Die Gerichtsverhandlung in Jakutsk.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

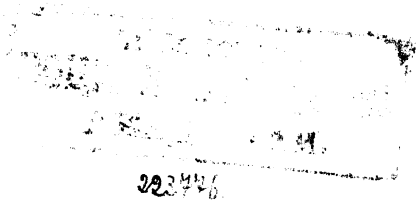
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ЯКУТСКОМУ ПРОЦЕССУ.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904.



Сущность рѣчи Заруднаго,

произнесенной въ Якутскомъ Окружномъ Судѣ 7 августа 1904 года.

Манифестація, устроенная нѣсколькими десятками политич. ссыльныхъ, ради облегченія ставшихъ въ послѣднее время невозможными условій ихъ существованія, окончившаяся, къ несчастью, убійствомъ трехъ людей, породила цѣлую легенду. Какъ удостовѣрилъ свидѣтель Юшмановъ, въ Якутскѣ говорили, что политическіе объявили войну и хотятъ завоевать Якутскую область, а за предѣлами города ходили даже слухи о томъ, что политическіе одержали побѣду, и всѣ жители перебиты. Подобные легендарные слухи о настоящемъ дѣлѣ доходили до насъ на западѣ Россіи, но что гораздо удивительнѣе и печальнѣе,—это то, что даже предварительное слѣдствіе, по винѣ уже самихъ подсудимыхъ, отказавшихся давать какія-либо показанія, не могло дать полной и правдивой картины происшествія и породило легенду о томъ, будто запершіеся въ д. Романова ссыльные втеченіе трехъ дней залпами стрѣляли въ окружавшихъ ихъ солдатъ и полицію. Эта послѣдняя легенда въ достаточной степени опровергнута предшествующимъ защитникомъ. На моей обязанности лежитъ опроверженіе другой легенды, которую я назвалъ бы юридической и которая является наиболѣе опасной, такъ какъ имѣетъ за собой кажущійся авторитетъ закона. Г. прокуроръ, предлагая вамъ произнести приговоръ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ, если не тысячелѣтіяхъ каторги, поставить крестъ надъ столькими прекрасными жизнями, выбросить за бортъ человѣческаго общежитія столько хорошихъ, выдающихся людей—не далъ, по моему мнѣнію, достаточнаго юридическаго обоснованія тому тяжкому обвиненію, которое онъ предъявляетъ подсудимымъ. Подсудимые обвиняются въ вооруженномъ сопротивленіи администраціи и войскамъ. Дѣйствующее ул. о нак. знаетъ два рода сопротивленія власти: 1) болѣе тяжкую форму сопротивленія—возстаніе, пред. ст. 263—69 и 2) менѣе тяжкую—простое сопротивленіе, предусм. ст. 270 и слѣд. Независимо отъ этого, вооруженное сопротивленіе, оказанное скопищемъ военному караулу, предусм. ст. 123 нов. уг. улож., которая, въ силу закона 30 іюля 1904 г., получила уже силу дѣйствующаго закона. Такимъ образомъ, суду необходимо сдѣлать то, чего не сдѣлалъ прокуроръ: опредѣлить съ точностью, какимъ именно изъ трехъ названныхъ законовъ предусмотрѣно дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые. Можетъ-ли это дѣяніе считаться дѣяніемъ, указаннымъ въ ст. 263? Для

правильнаго толкованія закона необходимо прежде всего обратиться къ лучшему для этой цѣли средству—русскому языку. Что значитъ на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ слово „возстаніе"? Ясно, какъ день, что возстаніе—это сопротивленіе особой большой важности, затрагивающее основныя общія условія всего государства или цѣлаго края, это актъ революціоннаго движенія. Никто на разговорномъ языкѣ не назоветъ возстаніемъ столкновеніе, происшедшее между нѣсколькими крестьянами или рабочими и полиц. приставомъ, вслѣдствіе нежеланія подчиниться требованіямъ власти, касающимся какихъ либо частныхъ и мѣстныхъ условій. Если таково понятіе „возстаніе" на языкѣ разговорномъ, то, спрашивается, нужно ли иначе понимать это выраженіе, когда оно встрѣчается въ уг. законѣ? Думаю, что нѣтъ. По крайней мѣрѣ, правит. сенатъ всегда строго различалъ вышеуказанные два рода сопротивленія властямъ. Позволю себѣ сослаться на рѣшеніе сената отъ 30 іюля 1893 г. по весьма аналогичному съ настоящимъ дѣлу: о майкопскихъ безпорядкахъ. Сущность этого дѣла заключается въ сопротивленіи, оказанномъ майкопскими мѣщанами приведенію въ дѣйствіе закона 3 іюля 1873 г. объ убоѣ зачумленнаго скота. Двѣ суд. инстанціи примѣнили къ подсудимымъ 263 ст. ул., но сенатъ отмѣнилъ приговоръ судебной палаты, признавая эту статью въ данномъ случаѣ непримѣнимой. При этомъ правит. сенатъ разсуждалъ такимъ образомъ: „согласно нашимъ законамъ (ст. 262 и слѣд. ул.) и разъясненіямъ, преподаннымъ по сему предмету сенатомъ (рѣш. 1877 г. № 40 по общему собр.), неповиновеніе распоряженіямъ правительства и установленнымъ отъ него властямъ распадается на два различные вида: на неповиновеніе общее, которое собственно и имѣется въ виду въ законѣ, явнымъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніемъ (ст. 263—69 улож.) и неповиновеніе частное, соотвѣтствующее понятію сопротивленія властямъ (см. 270—73). Изъ самаго законнаго опредѣленія отдѣльныхъ случаевъ сихъ видовъ неповиновенія существеннымъ признакомъ ихъ различія является не степень оказаннаго виновными сопротивленія и соотвѣтствующій сему сопротивленію родъ принятыхъ для прекращенія безпорядковъ приставомъ мѣръ, такъ какъ при простомъ нарушеніи общ. порядка толпой, если даже для прекращенія безпорядковъ была потребована военная сила (рѣш. 1888 г. № 14), виновные отвѣчаютъ не по правиламъ о возстаніи, а только по 3 части 38 ст. уст. о нак.; не число лицъ, оказавшихъ неповиновеніе, такъ какъ отдѣльныя распоряженія власти могутъ имѣть прямое отношеніе не къ одному, а къ нѣсколькимъ лицамъ (85 г. № 11); но оно всецѣло зависитъ отъ рода и значенія той власти, проявленію коей было оказано сопротивленіе. Такимъ образомъ, явное возстаніе противъ властей предполагаетъ неповиновеніе велѣніямъ непосредственно верховной власти, исходящимъ отъ нея законамъ, ихъ обнародованію или приведенію ихъ въ дѣйствіе, или же тѣмъ общимъ распоряженіямъ и мѣрамъ властей, правительствомъ установленныхъ, кои относятся къ общему порядку управленія краемъ или мѣстностью, почему и отвѣтственность за возстаніе сего рода, столь близко соприкасающееся съ возста-

ніемъ противъ основаній государственнаго управленія, съ бунтомъ, полагается особенно тяжкая; сопротивленіе же частное имѣетъ въ виду неповиновеніе отдѣльнымъ мѣрамъ и постановленіямъ правительственныхъ властей, относящимся или къ исполненію суд. рѣшеній, или къ охранѣ общ. порядка и спокойствія, къ предупрежденію опасностей для народнаго здравія и благосостоянія и т. д., все равно, относятся ли такія требованія или распоряженія къ отдѣльному лицу, или они налагаютъ извѣстныя обязанности на всѣхъ обывателей селенія, мѣстечка или города, все равно, основываются ли сіи требованія или распоряженія на прямомъ указаніи закона или же принимаются извѣстными властями по ихъ усмотрѣнію, въ силу правъ, имъ закономъ предоставленныхъ. Сіе различіе частнаго и общаго сопротивленія подтверждается въ отношеніи къ тяжести опредѣляемыхъ за сіе наказаній и ст. 269[1] ул. (по зак. 9 дек. 91 г.) По этимъ соображеніямъ, прав. сенатъ призналъ неправильнымъ признаніе судебной палатой, что оказанное майкопцами сопротивленіе приведенію въ дѣйствіе закона 3 іюля 1879 г. объ убоѣ зачумленнаго скота является явнымъ противъ пристава возстаніемъ и указалъ, что дѣйствіе осужденныхъ соотвѣтствуетъ не 263, а 271 ул. о нак.

Примѣняя приведенныя соображенія указаннаго рѣшенія сената къ настоящему дѣлу, нельзя не признать, что циркуляры, касавшіеся порядка отбытія ссылки адм.-ссыльными иркутскаго ген.-губернаторства, не могутъ считаться имѣющими болѣе общее значеніе и болѣе затрагивающими интересы всего населенія, чѣмъ законъ объ убоѣ зачумленнаго скота, и что, поэтому, сопротивленіе, оказанное примѣненію этихъ циркуляровъ, должно считаться сопротивленіемъ частнымъ, предусмотрѣннымъ ст. 270 ул., а не общимъ, предусм. ст. 263.

Я долженъ, впрочемъ, пойти навстрѣчу обвиненію и указать на существующее или, по крайней мѣрѣ, существовавшее въ нашей практикѣ мнѣніе о примѣненіи ст. 263 къ одному случаю частнаго сопротивленія: именно къ тому, когда сопротивленіе было оказано болѣе, чѣмъ тремя лицами. Мнѣніе это, выводимое изъ одного выраженія ст. 270, высказано было, кажется, впервые въ извѣстномъ рѣшеніи сената въ 1877 г. по дѣлу Боголюбова. Но съ тѣхъ поръ много времени прошло и много воды утекло, и практика нашихъ судебныхъ учрежденій въ значительной степени уклонилась отъ теоріи, проведенной сенатомъ въ этомъ рѣшеніи. Въ памяти всякаго опытнаго дѣятеля, навѣрное, сохраняется длинный рядъ дѣлъ о вооруженномъ сопротивленіи нѣсколькихъ лицъ, къ которымъ суды примѣняли не 263, а 270 ст. улож. Укажу, напримѣръ, на рѣшеніе сената отъ 17 окт. 1903 г. по дѣлу Хачерозовыхъ и др. По дѣлу этому нѣсколькими лицами, въ числѣ болѣе трехъ, оказано было вооруженное сопротивленіе суд. слѣдователю и, однако, судебной палатой примѣнены были къ нимъ 270 и 271 ст. а не 263 ст. ул. и изъ указа сената (копію котораго, равно какъ и копію названнаго выше рѣшенія по Майкопскому дѣлу, я представляю суду) не видно, чтобъ сенатъ призналъ непримѣненіе къ подсудимымъ ст. 263 неправильнымъ. Въ лежащемъ предо

мной журналѣ „Право", который, между прочимъ, принесъ намъ текстъ новаго закона о производствѣ политич. дѣлъ, напечатанъ отчетъ о производившемся въ одномъ изъ сибирскихъ судовъ дѣлѣ о сопротивленіи властямъ. По дѣлу этому были преданы суду 5, а осуждены 4 лица, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи и, тѣмъ не менѣе, къ осужденнымъ примѣнена была 270, а не 263 ст.

Итакъ, судебная практика, по вопросу о значеніи для квалификаціи преступнаго дѣянія участія въ сопротивленіи болѣе трехъ лицъ, значительно измѣнилась за послѣднюю четверть столѣтія, подъ вліяніемъ отчасти того же самаго сената, который во многихъ рѣшеніяхъ (напр. рѣш. 85 г., № 11 по дѣлу Пачковскихъ и указ. рѣш. 93 г. по Майкопскому дѣлу) значительно измѣнилъ суровыя требованія рѣшенія 77 года по дѣлу Боголюбова. Иначе и быть не могло. Угол. законъ, гг. судьи, нельзя примѣнять къ дѣянію такимъ способомъ, какимъ бумажный колпакъ покрываетъ какой либо предметъ, не озабачиваясь тѣмъ, плотно ли прилегаетъ колпакъ къ предмету или онъ значительно больше его, лишь бы онъ покрылъ предметъ, лишь бы наказаніе было достаточно, съ той или другой точки зрѣнія, строго. Уг. законъ, напротивъ того, долженъ примѣняться къ дѣянію правильно и точно, какъ перчатка къ рукѣ, палецъ къ пальцу, признакъ къ признаку, и гораздо правильнѣе и согласнѣе съ истиннымъ смысломъ законовъ примѣнять къ случаямъ вооруженнаго сопротивленія второго рода, т. е. оказаннаго нѣсколькими лицами, ст. 270, чѣмъ прилагать къ нимъ законъ, предусматривающій, по истинному его смыслу, дѣяніе совсѣмъ другого, значительно болѣе важнаго характера. Но если затѣмъ не согласиться съ этими моими соображеніями и признавать, что въ случаяхъ участія въ частномъ вооруженномъ сопротивленіи болѣе трехъ лицъ, въ силу рѣшенія по д. Боголюбова, должно опредѣлиться наказаніе, указ. въ ст. 263, то и тогда необходимымъ условіемъ для примѣненія въ подобныхъ случаяхъ этой послѣдней статьи является наличность всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые указаны въ ст. 270, въ томъ числѣ, законности распоряженій, которымъ оказано неповиновеніе, и явной насильственности сопротивленія. Поэтому, при отсутствіи явнаго насилія, статья 263, по точному смыслу Боголюбовскаго рѣшенія (см. также рѣшеніе 1885, № 11), въ указанныхъ случаяхъ примѣнена быть не можетъ.

Наконецъ, суду необходимо разрѣшить вопросъ, какой изъ двухъ дѣйствующихъ нынѣ угол. кодексовъ—ул. о нак. или новое уг. уложеніе—долженъ быть примѣненъ къ настоящему дѣлу, ибо ст. 123 новаго ул. предусматривающая вооруженное нападеніе скопищемъ на военный караулъ, т. е. такое именно дѣяніе, въ какомъ обвиняются подсудимые, въ настоящую минуту является дѣйствующимъ закономъ....

Предсѣдатель (прерывая). „Вы не можете говорить о новомъ уг. уложеніи, потому что преступленія, предусмотр. имъ, подсудны суд. палатѣ, и окружные суды не вправѣ примѣнять нов. улож.„

Зарудный: я съ этимъ совершенно согласенъ и хотѣлъ бы только сказать, какой отсюда надо сдѣлать практическій выводъ для настоящаго дѣла...

Предсѣдатель (прерывая): „Вы не можете касаться этого, я вамъ запрещаю говорить о новомъ угол. улож.“

Зарудный проситъ отмѣтить это въ протоколѣ и продолжаетъ: но было ли по настоящему дѣлу сопротивленіе общее—возстаніе (ст. 263) или сопротивленіе частное (270 ст.), во всякомъ случаѣ, суду необходимо разрѣшить вопросъ, были ли законны тѣ требованія или распоряженія властей, которымъ оказано было неповиновеніе. Преступленіе возстанія или простого сопротивленія заключаетъ въ себѣ два момента: моментъ неповиновенія закону или административному распоряженію и моментъ насильственнаго или, во всякомъ случаѣ, активнаго ему сопротивленія. Для установленія судомъ наличности перваго момента, необходимо признаніе судомъ законности тѣхъ распоряженій, которымъ оказано сопротивленіе, и, напротивъ того, незаконными тѣхъ предъявленныхъ къ властямъ требованій, которыя виновными были поддержаны путемъ возстанія или сопротивленія. При признаніи судомъ распоряженій властей незаконными, первый моментъ будетъ отсутствовать, и послѣдующія за неповиновеніемъ насильственныя дѣйствія частныхъ лицъ могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться преступными дѣяніями другого рода, напримѣръ, убійствомъ, насиліемъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться сопротивленіемъ властямъ.

Не буду приводить ни мнѣній нашихъ лучшихъ юристовъ, ни многочисленныхъ рѣшеній правит. сената по вопросу о значеніи для состава преступленія сопротивленія властямъ законности тѣхъ распоряженій, которымъ оказывается сопротивленіе. Позволю себѣ сослаться лишь на одно изъ послѣднихъ и наиболѣе въ этомъ отношеніи характерныхъ рѣшеній сената. Я говорю объ упомянутомъ уже мною рѣшеніи 17 октября 1903г. по дѣлу Хачерозовыхъ и др. Судебный слѣдователь, производя предварительное слѣдствіе о похищеніи дѣвицы, явился въ квартиру, въ которой она была скрыта, и распорядился о задержаніи ея для возвращенія отцу. Дѣло происходило на Кавказѣ, и находившіеся въ той квартирѣ похитители дѣвицы оказали слѣдователю вооруженное сопротивленіе и ранили нѣсколько лицъ изъ сопровождавшей слѣдователя стражи. Судебная палата примѣнила къ этому случаю 270 ст., но сенатъ, признавая указанныя дѣйствія судебнаго слѣдователя незаконными, отмѣтилъ приговоръ палаты за неправильнымъ примѣненіемъ 270 ст. и предписалъ разсмотрѣть дѣло вновь въ отношеніи обвиненія подсудимыхъ по ст. 1482 (нанесеніе ранъ). Если, такимъ образомъ, сенатъ призналъ ненаказуемымъ неповиновеніе незаконнымъ распоряженіямъ судебной власти при производствѣ ею судебныхъ дѣйствій, то можно ли сомнѣваться въ ненаказуемости неповиновенія незаконнымъ административнымъ распоряженіямъ, устанавливающимъ порядокъ и подробности отбытія административнаго наказанія?

Такимъ именно распоряженіямъ и оказали неповиновеніе подсудимые. По обвинительному акту, подсудимые обвиняются въ томъ, „что съ цѣлью принудить правительственныя власти къ отмѣнѣ изданныхъ послѣдними распоряженій, касающихся политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, предъявили якутскому губернатору рядъ требованій объ этомъ“ и затѣмъ для поддержки этихъ требованій оказали вооруженное сопротивленіе. Были ли эти предъявленныя подсудимыми требованія законны или нѣтъ—вотъ вопросъ, который прежде всего долженъ разрѣшить вашъ приговоръ. Если эти требованія были законны, то предъявленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться тѣмъ неповиновеніемъ властямъ, которое, какъ я указалъ выше, является первымъ моментомъ въ составѣ преступленія возстанія и сопротивленія властямъ. Всѣ послѣдующія дѣйствія подсудимыхъ, если бы даже они и заключали въ себѣ составъ какихъ-либо другихъ преступленій, не будутъ, во всякомъ случаѣ, указаннымъ вторымъ моментомъ преступленія сопротивленія властямъ, ибо необходимый для состава этого преступнаго дѣянія первый моментъ будетъ отсутствовать.

Итакъ, были ли предъявленныя подсудимыми якутскому губернатору 18 февраля требованія, по содержанію ихъ, незаконными? Замѣчательно, что самъ и. д. як. губернатора Чаплинъ ни при личныхъ объясненіяхъ его съ подсудимыми во время происшествій, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, ни здѣсь на судѣ при допросѣ его въ качествѣ свидѣтеля, не утверждалъ, чтобъ требованія подсудимыхъ, по существу ихъ, были незаконны. Основываясь на показаніяхъ свид. Чаплина, г. прокуроръ въ своей рѣчи указалъ лишь на одинъ признакъ незаконности требованій подсудимыхъ, именно на то, что они были направлены „не по адресу“. Но если бы это даже было такъ, то неужели законность требованій, подобныхъ заключавшимся въ заявленіи подсудимыхъ отъ 18 февраля, зависитъ отъ адреса, по которому заявленія были направлены? Отъ губернатора зависѣло переслать ходатайства частныхъ лицъ по надлежащему адресу и, очевидно, невѣрный адресъ не можетъ играть указанной г. прокуроромъ роли при разрѣшеніи вопроса о степени законности дѣйствій подсудимыхъ. Что губернаторъ, при объясненіи его съ подсудимыми, не ссылался на то, что требованія послѣднихъ, по существу ихъ, являются незаконными,—доказывается и тѣмъ, что, какъ мы слышали отъ свид. Чаплина, онъ одобрилъ представленный ему подсудимымъ Никифоровымъ и имѣвшійся въ его рукахъ проектъ телеграммы на имя министра вн. дѣлъ, по содержанію своему аналогичной съ заявленіемъ, поданнымъ подсудимыми губернатору, и обѣщалъ, съ своей стороны, оказать содѣйствіе, чтобъ эта телеграмма была принята на телеграфѣ. Могъ ли бы поступить такимъ образомъ губернаторъ, еслибъ онъ признавалъ, что ходатайства подсудимыхъ, по самому содержанію своему, являются незаконными?

Посмотримъ же теперь, какія именно требованія заключало въ себѣ заявленіе отъ 18 февраля. Поосудимые требовали: „1) гарантіи немедленной отправки всѣхъ окончившихъ срокъ ссылки на казенный счетъ“. Было ли такое требованіе осно-

вано на законѣ? Обратимся къ Высочайше утв. 12 марта 1882 года положенію о полиц. надзорѣ, учрежденномъ по распоряженію админ. властей (прил. II къ ст. 1, прим. 2 уст. пред. прес. прест.) и въ ст. 40 означеннаго положенія мы найдемъ правила о томъ, что „освобожденное отъ надзора лицо, въ случаѣ неимѣнія своихъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣетъ право на пособіе отъ казны". Итакъ, требованіе, заключающееся въ первомъ пунктѣ подсудимыхъ, было вполнѣ и безусловно законно. Свид. Чаплинъ удостовѣрилъ, будто случаевъ отказа окончившимъ срокъ ссыльнымъ въ возвращеніи ихъ на казенный счетъ, въ Якутской области не было, на что онъ и указалъ подсудимымъ при личныхъ объясненіяхъ съ ними. Но этому заявленію свидѣтеля противорѣчитъ содержаніе представленнаго нами суду въ частной копіи отношенія як. губ. на имя якутскаго полиціймейстера отъ 16 дек. 1903 г. за № 1095. Изъ отношенія этого, сущность котораго была, по оглашеніи его, подтверждена на судѣ свид. Чаплинымъ, усматривается, что въ концѣ прошлаго года, тремъ ссыльнымъ: Бѣлову, Смирнову и Долинину, было отказано въ отправкѣ ихъ до г. Иркутска на каз. счетъ, не въ качествѣ арестантовъ, и въ выдачѣ имъ кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, подсудимые имѣли фактическое основаніе опасаться, что подобный же отказъ послѣдуетъ въ свое время и для нихъ и другихъ ихъ товарищей. Но, если бы заявленія свид. Чаплина о томъ, что окончившіе срокъ ссыльные всегда возвращаются на казенный счетъ, и соотвѣтствовало дѣйствительности, то отсюда слѣдовало лишь то, что первое изъ требованій подсудимыхъ было излишнимъ, но ни въ какомъ случаѣ не то, чтобы оно было противозаконнымъ. 2) Второе требованіе подсудимыхъ было слѣдующее: „отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ запрещеніи отлучекъ". Изъ содержанія предъявленныхъ копій циркуляровъ, показаній свидѣтелей и объясненій подсудимыхъ вы могли убѣдиться, что подъ самовольной отлучкой въ послѣднее время администрація здѣшней мѣстности разумѣла всякое, хотя бы кратковременное удаленіе ссыльнаго отъ мѣста, назначеннаго ему на жительство наслега, уединенной юрты. Такое ограниченіе правъ поднадзорнаго не можетъ быть признано согласнымъ съ истиннымъ смысломъ положенія о полиц. надзорѣ 12 марта 1882 г. Учрежденный этимъ закономъ полиц. надзоръ, являясь мѣрой не карательной, а лишь предупредительной, ограничиваетъ въ точно указанной въ законѣ степени его права лишь настолько, насколько это необходимо для предупрежденія его противозаконной политической или агитаціонной дѣятельности. Внѣ этихъ, точно указанныхъ въ положеніи ограниченій, поднадзорный является полноправнымъ гражданиномъ, и правила закона о стѣсненіи его правъ ни въ какомъ случаѣ не должны толковаться распространительно. Изъ того, что, съ одной стороны, низшимъ полицейскимъ чиномъ, имѣющимъ право надзора за поднадзорными, является становой приставъ и что, съ другой стороны, ст. 8^2 полож. 12 марта 1882 г. устанавливается обязательство для поднадзорнаго просить о разрѣшеніи отлучки у начальника уѣздной полиціи,

у мѣстнаго губернатора и у министра вн. дѣлъ лишь въ случаяхъ отлучекъ, въ первомъ случаѣ въ предѣлахъ уѣзда, во второмъ въ предѣлахъ губерніи и въ третьемъ—въ другія губерніи,—первый департаментъ прав. сената заключалъ, что для отлучекъ въ предѣлахъ стана особыхъ разрѣшеній не требуется. Вы слышали изъ объясненія подсудимыхъ, что еще не такъ давно так. обр. толковалось право поднадзорныхъ на отлучки въ предѣлахъ стана и администраціей иркутскаго генералъ-губернаторства. Вы слышали также, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ, при предъявленіи имъ полиціей обвиненій за подобныя отлучки, были оправданы судебными учрежденіями. Наша повсемѣстная судебная практика въ большинствѣ случаевъ толковала законъ о правѣ поднадзорныхъ на кратковременныя отлучки именно въ указанномъ смыслѣ. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу, напримѣръ, на появившуюся въ 1888 или 89 гг. въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ статью о правѣ поднадзорныхъ на кратковременныя отлучки, заключающую въ себѣ свѣдѣнія изъ практики мировыхъ учрежденій. По этимъ соображеніямъ, я не могу признать законнымъ то безусловное воспрещеніе поднадзорному удаляться отъ того поселка, отъ той юрты, гдѣ онъ водворенъ, которое въ послѣднее время примѣнялось въ Якутск. обл. Должности станового здѣсь соотвѣтствуетъ земскій засѣдатель, въ предѣлахъ участка котораго поднадзорный имѣетъ право отлучаться на короткое время безъ особаго на то разрѣшенія. Не можетъ служить опроверженіемъ для подобныхъ воспрещеній обширность участковъ земскихъ засѣдателей, затрудняющая послѣднимъ постоянный надзоръ за ссыльными. Если, по мѣстнымъ условіямъ, надлежащій надзоръ надъ ссыльными дѣлается затруднительнымъ или невозможнымъ, то отсюда можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно, что ссылку надо перенести въ другую, болѣе соотвѣтствующую ея цѣлямъ мѣстность, а никакъ не тотъ, чтобъ, въ виду мѣстныхъ условій, слѣдовало нарушать установленный закономъ порядокъ и стѣснять частныхъ лицъ въ ихъ законныхъ правахъ.

Но изданные въ послѣднее время циркуляры не только ограничивали въ указаномъ мною смыслѣ права поднадзорныхъ по отношенію къ кратковременнымъ отлучкамъ, они устанавливали еще за нарушеніе правилъ этихъ циркуляровъ объ отлучкахъ новое, не предусмотрѣнное въ законѣ и страшное по своей тяжести наказаніе. Полиція объявила подсудимымъ, потребовавши отъ нихъ росписки, что за самовольныя отлучки изъ мѣстъ, назначенныхъ имъ для жительства, они будутъ переводимы „въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской Области“. Имѣла ли администрація право дѣлать подобныя распоряженія и объявлять о томъ поднадзорнымъ? Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ законѣ. Согласно ст. 32 полож. о полицейск. надзорѣ, администрація имѣетъ право подвергать поднадзорныхъ за неисполненіе правилъ положенія наказанію не свыше ареста на 1 мѣсяцъ, а въ силу примѣчанія къ этой ст. „за самовольную отлучку поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, они подвергаются суду и наказанію, опредѣленному въ ст. 63 уст. о нак.“ Правда, свидѣтель Чаплинъ ссылался

на то, что назначеніе мѣста отбытія надзора зависитъ отъ губернатора, который вправѣ, поэтому, и перемѣнить мѣсто водворенія поднадзорнаго. Это совершенно вѣрно. Но если, такимъ образомъ, администраторъ имѣетъ огромную и почти безконтрольную власть при опредѣленіи мѣста водворенія поднадзорнаго, то слѣдуетъ ли отсюда, что онъ можетъ употреблять эту власть не съ той цѣлью, для которой она предоставлена ему закономъ, а съ цѣлью совершенно другого характера? Да, губернаторъ можетъ перемѣнить мѣсто назначенія ссыльнаго, но, по смыслу закона и разъясненій перваго департамента сената, онъ можетъ это сдѣлать лишь тогда, когда, въ силу мѣстныхъ условій, продолженіе надзора въ данной мѣстности является невозможнымъ, и для успѣха надзора оказывается необходимымъ перевести его въ другое мѣсто. Но можетъ ли администрація установить для поднадзорныхъ особое ул. о нак., карающее поступки, въ общихъ уголовныхъ законахъ вовсе не предусмотрѣнные, или же назначающее за дѣяніе, указанное въ общихъ уголовныхъ законахъ, наказаніе, по своей тяжести, неизмѣримо превышающее тѣ кары, которыя установлены существующимъ закономъ?

Можетъ ли мѣстная администрація объявить поднадзорнымъ, что за одни проступки она, безъ суда, будетъ назначать имъ ссылку въ Верхоянскъ, за другіе въ Нижне-Колымскъ? Очевидно, нѣтъ. Перемѣщеніе поднадзорнаго изъ одного мѣста водворенія въ другое можетъ быть предпринято лишь при признаніи администраціей въ каждомъ данномъ случаѣ необходимости такого перемѣщенія въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго надзора. Но подобное перемѣщеніе поднадзорнаго не можетъ, безъ всякого сомнѣнія, совершаться, въ видѣ общей кары за нарушеніе какихъ-либо установленныхъ администраціей правилъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что воспрепятствованіе администраціей поднадзорнымъ самовольныхъ отлучекъ изъ какого-то Нижне-Колымска является болѣе затруднительнымъ, чѣмъ въ Якутскомъ округѣ. Отсюда ясно, что объявленныя администраціей всѣмъ поднадзорнымъ общія мѣры — высылка за самовольныя отлучки въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области—являются не средствомъ воспрепятствовать данному поднадзорному совершать въ дальнѣйшемъ самовольныя отлучки, а лишь карой за проступки, за которые въ законѣ полагается арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Въ заявленіи 18 февраля подсудимые не требовали полной отмѣны ссылки или полицейскаго надзора, ни полной безнаказанности за самовольныя отлучки. Они просили лишь о непримѣненіи изданныхъ *въ послѣднее время* распоряженій по этому поводу, и эта просьба ихъ была законна, такъ какъ означенныя распоряженія не могутъ считаться законными.

3) въ третьихъ, подсудимые требовали: „отмѣны всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ положеніи о гласномъ надзорѣ, репрессій, за нарушеніе этого положенія“. Я уже упомянулъ о томъ, что ст. 32 названнаго положенія точно перечисляетъ тѣ наказанія, которыя администрація вправѣ налагать на поднадзорныхъ, что наложеніе въ административномъ порядкѣ на под-

надзорныхъ наказаній внѣ случаевъ, указанныхъ въ этой ст., не можетъ считаться законнымъ. Можно ли въ такомъ случаѣ вмѣнять подсудимымъ въ преступленіе обращеніе ихъ къ властямъ съ просьбой о соблюденіи дѣйствительнаго закона?

4) въ четвертыхъ, подсудимые просили также объ отмѣнѣ циркуляровъ, запрещающихъ свиданія мѣстныхъ поднадзорныхъ съ проѣзжающими въ пересыльной партіи товарищами ихъ. Изъ оглашенной на судѣ, представленной нами, частной копіи этого циркуляра, сущность котораго была подтверждена свидѣтелемъ Чаплинымъ, усматривается, что, по мнѣнію администраціи, ссыльные имѣютъ полную возможность сношеній съ пересыльными товарищами ихъ и, узнавъ о проѣздѣ вновь высланныхъ, являются на „мѣста остановокъ, получаютъ и отдаютъ корреспонденцію и деньги и вообще входятъ съ ними въ совершенно нежелательныя сношенія". Для прекращенія этого, означеннымъ циркуляромъ объяснялось, что „тѣ административные ссыльные, которые будутъ изобличены въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ вновь высылаемыми поднадзорными, будутъ переводиться на водвореніе въ отдаленныя мѣстности Якутской области", о чемъ циркуляръ „предписывалъ поставить въ извѣстность всѣхъ поднадзорныхъ".

Если вы согласились со мной, что поднадзорные, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ ограниченія ихъ правъ, которые точно указаны въ законѣ, должны быть признаны полноправными гражданами, то вы должны признать, что администрація не вправѣ налагать на ихъ поступки какіе-либо запреты, кромѣ указанныхъ въ положеніи о поднадзорныхъ. Всякій гражданинъ имѣетъ право искать свиданія съ арестантомъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ, или пересылаемымъ по этапу. Отъ администраціи зависитъ, разрѣшать или нѣтъ эти свиданія, принять тѣ или иныя мѣры къ охраненію арестантовъ отъ вліянія постороннихъ лицъ, но она не можетъ признавать незаконнымъ и преступнымъ самый фактъ требованія посторонними лицами свиданій съ заключенными. Между тѣмъ, указанный циркуляръ не только объявлялъ воспрещеннымъ для поднадзорныхъ домогаться свиданія съ пересылаемыми ихъ товарищами, но и грозилъ имъ за это все той же ужасной карой — ссылкой къ Ледовитому океану. Вполнѣ естественна, правильна и законна была заключающаяся въ четвертомъ пунктѣ ихъ заявленія 18-го февраля просьба о непримѣненіи означеннаго циркуляра.

5) Наконецъ пятое и послѣднее требованіе подсудимыхъ заключалось въ томъ, „чтобы никакихъ репрессій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ это заявленіе, примѣнено не было". Если въ предшествующихъ требованіяхъ, по содержанію ихъ, не заключалось ничего противозаконнаго, то очевидно, что не можетъ считаться незаконной и просьба о непримѣненіи къ лицамъ, заявившимъ эти требованія, какихъ-либо репрессій.

Вотъ всѣ требованія, предъявленныя администраціи подсудимыми. Мнѣ кажется, что, разобравъ ихъ, я уже взялъ первый фортъ обвиненія и доказалъ, что въ фактѣ подачи подсудимыми заявленія отъ 18-го февраля, заключавшаго въ себѣ лишь вполнѣ законныя ходатайства, нельзя усматривать того неповиновенія

власти, наличность котораго необходима для установленія перваго изъ указанныхъ мною моментовъ преступленія — сопротивленія властямъ. Но г. прокуроръ, какъ опытный противникъ, можетъ отступить на нѣсколько шаговъ и признать, что, если даже въ означенномъ заявленіи не заключалось этого момента, то послѣдній можетъ быть найденъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ. Необходимо, вслѣдъ за прокуроромъ, разсмотрѣть эти послѣдующія дѣйствія. Обвинитель указываетъ на заявленіе подсудимыхъ отъ 26 го февраля, въ которомъ они требовали прекращенія предпринятой по отношенію къ нимъ блокады. Но, вѣдь, заявленіе это, въ сущности, является лишь повтореніемъ той же угрозы, которая заключалась въ первомъ ихъ заявленіи, угроза же сама по себѣ, какъ бы преступна она ни была, не является еще неповиновеніемъ законнымъ дѣйствіямъ властей. Во всякомъ случаѣ, если и усматривать въ заявленіи 26 февраля моментъ неповиновенія, то это было неповиновеніе распоряженіямъ полиціи о надзорѣ за домомъ, въ которомъ находились подсудимые, т. е. неповиновеніе административнымъ распоряженіямъ частнаго, а не общаго характера; поэтому, еслибы такое неповиновеніе повлекло за собой сопротивленіе властямъ, то это послѣднее дѣяніе соотвѣтствовало бы преступленію, указанному въ ст. 270, а не 263.

Г. прокуроръ ссылается, далѣе, на заявленіе, поданное подсудимыми губернатору 4 марта. Въ этомъ заявленіи подсудимые указываютъ, что администрація держится крайне вызывающаго образа дѣйствія, выразившагося въ цѣломъ рядѣ поступковъ: занятіи двора солдатами, бросаніи часовыми камней, площадной ругани, прицѣливаніи и угрозахъ стрѣлять или арестовать, закрываніи часовыми ставней и т. п. Заявленіе заканчивается угрозой, что подсудимые, въ случаѣ продолженія полиціей подобныхъ дѣйствій, „будутъ считать себя вправѣ приступить къ вооруженной самозащитѣ“. Если вспомнить ту обстановку, при которой писалось это заявленіе, то, какъ бы вы ни осуждали его формы и рѣзкость выраженія, вы въ содержаніи его едва ли усмотрите моментъ караемаго неповиновенія властямъ. Въ своихъ неоднократныхъ объясненіяхъ съ подсудимыми губернаторъ, какъ онъ самъ удостовѣрилъ на судѣ, завѣрилъ подсудимыхъ, что никакихъ насилій или другихъ агрессивныхъ дѣйствій со стороны полиціи или солдатъ по отношенію къ нимъ предпринято не будетъ, пока они, подсудимые, сами не позволятъ себѣ какого либо насилія по отношенію властей. Губернаторъ объявилъ имъ, что, по его выраженію, онъ „не доставитъ имъ удовольствія“ вооруженнаго столкновенія съ властями и „возьметъ ихъ живыми“. Наконецъ, свидѣтель Чаплинъ удостовѣрилъ намъ, что онъ не только не давалъ какихъ либо приказаній о приготовленіяхъ къ нападенію на домъ Романова, какъ то: къ занятію нижняго этажа, закрыванію ставней, а, тѣмъ болѣе, къ опредѣленнымъ нападеніямъ на политическихъ, вродѣ бросанія въ нихъ камнями и т. п., но, напротивъ того, строго запретилъ всякія подобныя агрессивныя со стороны полиціи дѣйствія, не желая, чтобы таковыя вызвали насильственное сопротивленіе ссыльныхъ. При такомъ, извѣ-

стномъ политическимъ, распоряженіи начальника области, подсудимые имѣли полное право считать указанныя насильственныя и оскорбительныя для нихъ дѣйствія полиціи и войскъ, на которыя они жаловались въ заявленіи 4 марта, незаконными, почему и угроза ихъ прибѣгнуть, въ случаѣ продолженія незаконныхъ насильственныхъ дѣйствій, къ вооруженной самозащитѣ, не должна считаться преступной.

Правда, заявленіе, написанное въ рѣзкомъ тонѣ, заключаетъ въ себѣ брошенные по отношенію къ губернатору упреки, которые, по убѣжденію защиты, не могутъ считаться справедливыми. Но можно ли за это винить подсудимыхъ? То, что намъ стало яснымъ теперь, на судѣ, могло ли быть извѣстно подсудимымъ въ то время, когда они находились въ домѣ Романова, лишенные свободы? Двое изъ подсудимыхъ заявили вамъ на судѣ, что нынѣ они пришли къ убѣжденію въ неосновательности ихъ прежнихъ подозрѣній въ томъ, что указанныя агрессивныя дѣйствія полиціи и солдатъ дѣлались съ вѣдома губернатора Чаплина. Но могло ли у нихъ не быть этихъ подозрѣній въ злосчастные дни 3 и 4 марта? По закону (прав. „о приз. войскъ къ содѣйствію гражд. властямъ“, прилож. къ ст. 316 (прим.) общ. учр. губ. т. 11) администрація вправѣ употребить силу противъ частныхъ лицъ, лишь при соблюденіи установленнаго для этого порядка и послѣ надлежащаго объ этомъ предупрежденія. Подсудимые знали объ этомъ. По отношенію къ нимъ властями не только не было сдѣлано предупрежденія, но, напротивъ того, начальникъ области объявилъ имъ, что продолженіе ихъ пребыванія въ домѣ Романова вызоветъ лишь воспрепятствованіе имъ выхода изъ дома для добыванія жизненныхъ продуктовъ, но не повлечетъ за собою употребленія властями по отношенію къ нимъ силы, если только они сами не позволятъ себѣ нападенія. При такихъ условіяхъ подсудимые вправѣ были требовать, чтобы городовые и солдаты не позволяли себѣ насилія и оскорбленій. И вотъ, втеченіе ряда дней разнузданные и, по употребленному на судебномъ слѣдствіи выраженію, „озвѣрѣлые“ нижніе полицейскіе и военные чины позволяли себѣ тотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, который не могъ не возмутить и не обезпокоить подсудимыхъ. Чему должны были они приписать эти насильственныя дѣйствія властей? Если таковыя происходили безъ вѣдома губернатора, то подсудимые не могли не претендовать на то, что мѣстнымъ начальствомъ не приняты надлежащія мѣры для предохраненія ихъ отъ опасности, грозившей имъ отъ самовластныхъ и незаконныхъ дѣйствій нижнихъ чиновъ. Если указанныя наступательныя дѣйствія совершались съ вѣдома и по приказанію губернатора, то и поведеніе послѣдняго послѣ того, что онъ объявилъ имъ, не могло не считаться подсудимыми незаконнымъ и неправильнымъ. Поэтому, совершенно понятенъ тотъ рѣзкій и возбужденный тонъ, которымъ написано воззваніе 4 марта. Повторяю, что ошибочность подозрѣній подсудимыхъ по отношенію къ свидѣтелю Чаплину, тактичному поведенію котораго мы обязаны сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ жизней — стала теперь очевидной, но эту

ошибку подсудимыхъ, эту неудачную форму ихъ воззванія въ виду тѣхъ условій, въ которыхъ они находились, и тѣхъ свѣдѣній, которыя они имѣли, вы не можете имъ поставить въ вину.

Мы установили, что, если даже стоять на точкѣ зрѣнія рѣшенія сената по дѣлу Боголюбова, для обвиненія подсудимыхъ по 263 или 270 ст. Ул. необходимо признаніе наличности двухъ моментовъ: 1) неповиновеніе властямъ и 2) оказанное имъ насильственное сопротивленіе О первомъ его моментѣ я уже говорилъ, перехожу къ обсужденію второго.

Въ какихъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ можно было усматривать элементы насилія? Подсудимые демонстративно собрались въ частномъ домѣ и послали властямъ заявленіе со своими требованіями, съ угрозой оказать насильственное сопротивленіе въ томъ случаѣ, если власти попытаются силой арестовать ихъ. О томъ, что подобная демонстрація сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ признака какого либо караемаго улож. о нак. преступленія, сказалъ вамъ самъ прокуроръ. Что заключала въ себѣ угроза сопротивленія? Можно ли считать ее началомъ сопротивленія, предусмотрѣннымъ ст. 270 или 271 ул.? Очевидно, нѣтъ. Это было обнаруженіе умысла и больше ничего, а обнаруженіе умысла, какъ извѣстно, карается лишь при преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ противъ главы государства. Г. прокуроръ видитъ элементы насилія въ томъ, что подсудимые устроили, по его выраженію, „укрѣпленный фортъ", „извѣстную боевую единицу". Но можно ли придавать такое значеніе тому обстоятельству, что подсудимые въ своей частной квартирѣ законопатили двери и устроили вдоль стѣнъ блиндажи? Да простятъ мнѣ подсудимые критическое отношеніе къ ихъ сооруженіямъ! Быть можетъ, ихъ баррикады и были прекрасно устроены въ техническомъ отношеніи и защищали хорошо отъ ружейныхъ залповъ, но, въ смыслѣ юридическомъ, для установленія наличности состава преступленія, они не стоятъ ровно ничего и разлетаются въ прахъ отъ соприкосновенія строгой юридической критики. Подобныя сооруженія, сдѣланныя въ частной квартирѣ, сами по себѣ могутъ считаться лишь приготовленіемъ и не являются не только окончательнымъ преступленіемъ сопротивленія или возстанія, но даже и покушеніемъ на таковое. Г. прокуроръ обвиняетъ подсудимыхъ въ томъ, что они устроили „фортъ". Но нашъ уг. законъ такого преступленія не знаетъ.

Приготовленіе же къ сопротивленію или возстанію по закону не можетъ считаться наказуемымъ. Въ обвинительномъ актѣ, далѣе, заключаются намеки на то, что подсудимые силой не пустили къ себѣ на квартиру губернатора и полицеймейстера. Но на судѣ, послѣ показаній свидѣтелей Чаплина и Березкина, всякое подозрѣніе въ этомъ отношеніи разсѣялось. Свидѣтели Чаплинъ и Березкинъ удостовѣрили, что при посѣщеніи ими дома Романова, подсудимые не позволили себѣ по отношенію къ нимъ и тѣни насилія. Если губернаторъ не захотѣлъ войти въ первую дверь, то только потому, что ранѣе его прихода эта дверь была заложена доскою (половинкой двери) но подсудимые

не только не препятствовали г. Чаплину войти въ ихъ квартиру, но, напротивъ того, по объясненію свидѣтеля Чаплина, подали ему стулъ, чтобъ онъ перелѣзъ черезъ означенное препятствіе, отъ чего онъ самъ отказался. Передъ судомъ затѣмъ прошло показаніе свидѣтеля пятидесятника Попова о томъ, какъ нѣкто Кацъ прорывался во дворъ Романова, при чемъ, для содѣйствія этому, подсудимый Лаговскій будто бы угрожалъ ему револьверомъ. Но лучшимъ доказательствомъ, что показаніе этого свидѣтеля не можетъ считаться достаточнымъ для обвиненія кого-либо въ насильственномъ сопротивленіи пятидесятнику Попову, является то обстоятельство, что названный Кацъ, въ качествѣ обвиняемаго, привлеченъ не былъ. Если принять во вниманіе то душевное состояніе, въ которомъ находился въ тотъ моментъ Поповъ, испугавшись угрозы Каца, опустившаго руку въ карманъ, будто бы за револьверомъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было, и если сопоставить съ этимъ показаніемъ объясненія Лаговскаго и Теплова, каждому слову которыхъ трудно не повѣрить, то нельзя не придти къ заключенію о вполнѣ возможной со стороны свидѣтеля Попова ошибкѣ и объ отсутствіи достаточныхъ основаній для признанія доказаннымъ факта имѣнія въ рукахъ Лаговскаго револьвера. Но еслибы даже это было такъ, то и въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, Лаговскаго правильнѣе было бы обвинить не въ сопротивленіи съ насиліемъ (см. 270 или 271 ст.), а въ удержаніи чиновника угрозою (см. 272 ст.), а съ другой стороны это дѣяніе Лаговскаго не можетъ быть связано съ другими подсудимыми путемъ установленія предварительнаго между ними на сопротивленіе Попову соглашенія. Такимъ образомъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ подсудимыхъ вплоть до двухъ несчастныхъ выстрѣловъ 4-го марта нельзя усмотрѣть элемента насилія. Перехожу къ разсмотрѣнію того юридическаго значенія, которое слѣдуетъ придавать означеннымъ двумъ выстрѣламъ. Если эти выстрѣлы могутъ быть поставлены въ прямую и неразрывную связь съ требованіями, предъявленными подсудимыми губернатору 18 го февраля, если они были сдѣланы ради поддержанія *этихъ* требованій, то, конечно, они должны быть признаны тѣмъ насиліемъ, которое въ такомъ случаѣ и явилось бы вторымъ моментомъ разсматриваемаго преступленія. Но было ли это такъ? Подсудимые объясняютъ, что выстрѣлы эти были сдѣланы для защиты отъ самовольныхъ и незаконныхъ дѣйствій, которыя имъ грозили отъ нижнихъ военныхъ и полицейскихъ чиновъ, отъ того противозаконнаго нападенія на нихъ, котораго въ ту минуту они ожидали. Правда, съ другой стороны, рядъ свидѣтелей, — солдаты и чины полиціи удостовѣряли передъ вами, что никакихъ указанныхъ подсудимыми агрессивныхъ дѣйствій со стороны солдатъ или полиціи предпринимаемо не было. Вамъ предстоитъ разрѣшить, гдѣ же правда, кому больше вѣрить — подсудимымъ или названнымъ солдатамъ? Вашъ судъ называется коронным, г.г. судьи, но слѣдуетъ ли отсюда, что вы безусловно не должны въ извѣстной степени слѣдовать и голосу вашего внутренняго убѣжденія? Можете ли вы формѣ придавать большее значеніе, чѣмъ сущности дѣла? Должны ли вы отказывать въ довѣ-

ріи человѣку только потому, что онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, и вѣрить другому только потому, что онъ принесъ передъ вами присягу? Мнѣ кажется, что на всѣ эти вопросы надо отвѣтить отрицательно, что вы должны стремиться быть такимъ же „судомъ совѣсти“, какъ и судъ присяжныхъ, что правъ нашъ извѣстный юристъ Муравьевъ („Изъ прошлой дѣятельности“ т. I. 230 стр.), когда онъ говоритъ, что „общія характеристическія черты репрессій“ обѣихъ формъ суда — коронного и присяжнаго — должны быть тождественны. И вотъ, если вы при оцѣнкѣ степени довѣрія, которое вы должны оказать словамъ подсудимыхъ, прислушаетесь къ внутреннему голосу вашей совѣсти, то я убѣжденъ, что вы не усомнитесь въ правдивости этихъ объясненій. Послѣ того, какъ трое изъ подсудимыхъ подробно разсказали вамъ весь ходъ дѣла и искренностью своего тона тронули многихъ изъ насъ до слезъ,— у меня пропала всякая охота собирать дальнѣйшія доказательства, къ подтвержденію правдивости ихъ словъ. Я сказалъ товарищу, говорилъ подсудимый, что данное имъ объясненіе для цѣли совершенно достаточно, что если судъ не повѣритъ этимъ объясненіямъ, то никакія доказательства и доводы не убѣдятъ его. И въ самомъ дѣлѣ: неужели подсудимые, по личности ихъ, по всей обстановкѣ происшествія, по всему ихъ поведенію, не внушаютъ къ себѣ полнаго довѣрія? Неужели они стали бы ложно наговаривать на солдатъ и низшихъ агентовъ полиціи, неужели они, признавая, что изъ ихъ среды раздались два выстрѣла, убившіе двухъ солдатъ, стали бы скрывать остальные ихъ выстрѣлы, никому никакого вреда не причинившіе? Напротивъ того, вполнѣ естественно, что городовые и солдаты, если только они, не смотря на запрещенія начальства, позволяли себѣ агрессивныя и провоцирующія дѣйствія по отношенію къ ссыльнымъ, находившимся въ домѣ Романова, здѣсь на судѣ, изъ страха предъ могущей имъ угрожать отвѣтственностью, эти свои поступки отрицаютъ. Недаромъ 722 ст. Уст. уг. суд. разрѣшаетъ свидѣтелю въ подобныхъ случаяхъ умолчаніе объ его дѣйствіяхъ, недаромъ рядовой Соловьевъ на мой вопросъ, не затворялъ ли онъ ставни штыкомъ, отвѣтилъ: — „часовому не полагается ставни штыкомъ закрывать“. Вы не можете же, наконецъ, не принять во вниманіе и неоднократныхъ измѣненій многими изъ такихъ свидѣтелей своихъ показаній, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи и уклончивости объясненій нѣкоторыхъ изъ нихъ и того очевиднаго смущенія, которое здѣсь, на судѣ, постигло другихъ. Неужели, при такихъ условіяхъ, показанія свидѣтелей этой категоріи могутъ имѣть для васъ значенія безусловнаго доказательства и опровергать объясненія подсудимыхъ?.. Думаю, что нѣтъ и что приведенныя первымъ защитникомъ данныя убѣдили васъ въ томъ, что сторожившіе домъ Романова городовые и солдаты, дѣйствительно, позволяли себѣ по отношенію къ подсудимымъ рядъ насильственныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій, которыя окончились несчастьемъ 4 марта. Очевидно, что возбужденные и озлобленные солдаты, не получившіе, несмотря на требованія закона, достаточнаго руководства и точныхъ указа-

ній о порядкѣ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, тяготившіеся тяжелымъ, несеннымъ ими въ суровыхъ условіяхъ, трудомъ, а, быть можетъ, подстрекаемые нѣкоторыми полицейскими чинами, добивавшимся тѣхъ или другихъ своихъ цѣлей или сводившими съ политическими свои счеты, очевидно, что солдаты рѣшились добиться того, чтобы политическіе по шли на крайнія мѣры, съ той цѣлью, чтобы получить затѣмъ возможность расправиться съ ними. Если это было такъ, то должны ли были подсудимые безропотно выносить всѣ подобныя насилія и оскорбленія, не реагировать на нихъ и не защищаться? Да, подсудимые были административно-ссыльные и поднадзорные, да, они заперлись въ своей частной квартирѣ и не выходили оттуда по требованію губернатора, но потеряли ли они вслѣдствіе этого право защиты своей личности отъ насилія и оскорбленія? И когда они увидѣли прямыя приготовленія къ нападенію на нихъ, готовившагося внѣ законнаго порядка и въ противность объявленныхъ имъ распоряженій начальника мѣстной администраціи, когда это нападеніе началось и одинъ изъ нихъ получилъ ударъ камнемъ, брошеннымъ солдатомъ, когда предупрежденія ихъ о томъ, что они будутъ защищаться и стрѣлять, не подѣйствовали, — что имъ оставалось дѣлать?

Правильный судъ, г.г. судьи, возможенъ только тогда, когда судящій мысленно ставитъ себя на мѣсто подсудимаго и задается вопросамъ о томъ, какъ онъ, судья, поступилъ въ его положеніи. Задаваясь по отношенію къ себѣ этимъ вопросомъ, я по совѣсти отвѣчу на него слѣдующимъ образомъ: не знаю, еслибъ я былъ въ положеніи ссыльнаго въ Якутскѣ, заперся ли бы я вмѣстѣ съ подсудимыми въ домѣ Романова. Быть можетъ, мои понятія и привычки, мой темпераментъ, воля и присущій мнѣ культъ законности помѣшали бы мнѣ это сдѣлать. Но мнѣ достаточно только вспомнить то страшное оскорбленіе, которое нанесъ солдатъ одной изъ находящихся въ домѣ Романова женщинъ для того, чтобы сказать съ увѣренностью, что, если бы я очутился въ домѣ Романова, то выстрѣлъ оттуда раздался бы раньше.

И въ самомъ дѣлѣ, что было бы, если бы со стороны политическихъ не раздались эти выстрѣлы? Возбужденные, озвѣрѣлые и, есть полное основаніе это думать, въ значительной степени пьяные солдаты рѣшили, во чтобы то ни стало, вызвать столкновеніе съ политическими съ тѣмъ, чтобы получить возможность убивать ихъ. Закрытіе ставень, съ цѣлью облегчить себѣ неожиданный входъ въ домъ, бросаніе камней, вызывающій и оскорбляющій отвѣтъ на предупрежденіе ссыльныхъ, что они будутъ стрѣлять — все это было лишь первымъ шагомъ нападенія, за которымъ несомнѣнно послѣдовалъ бы и второй, если бы со стороны ссыльныхъ не дано было отпора. И если вы признаете установленнымъ, что эти вызывающія и агрессивныя дѣйствія солдатъ были предприняты ими безъ вѣдома ихъ начальства и, во всякомъ случаѣ, противно распоряженію начальника области, то вы не можете не признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что противъ подобныхъ незаконныхъ дѣйствій солдатъ и

полиціи, подсудимые имѣли право защищаться. И если вы придаете значеніе той воинской дисциплинѣ, въ силу которой вы, г. предсѣдатель, во время судебнаго засѣданія требовали отъ находившихся въ залѣ солдатъ, чтобы они вставали при входѣ въ залъ офицера-свидѣтеля или эксперта, то вы должны согласиться, что, именно въ силу этой воинской дисциплины, на солдатѣ болѣе, чѣмъ на комъ либо другомъ, лежитъ обязанность безусловнаго подчиненія велѣніямъ закона и уваженія къ охраняемымъ закономъ правамъ личности и что, въ случаѣ противозаконнаго нарушенія воинскими чинами этихъ правъ, частное лицо можетъ защищаться противъ воинскихъ чиновъ такъ же, какъ и противъ всякаго другого насильника. Одинъ изъ подсудимыхъ сдѣлалъ два выстрѣла, защищая свою жизнь, свою личность, свое человѣческое достоинство. Это было не сопротивленіе властямъ, это была необходимая оборона. Но если бы вы, признавъ, что подсудимые подверглись незаконному нападенію солдатъ, противъ которыхъ они могли обороняться, въ то же время сочли, что самые выстрѣлы послѣдовали уже послѣ отвращенія непосредственной опасности, безъ крайней нужды, то и тогда у васъ не будетъ еще законнаго основанія для признанія въ данномъ случаѣ наказуемаго умышленнаго убійства. Въ этомъ случаѣ, на лицо будетъ лишь превышеніе предѣловъ необходимой обороны, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1467 ул. о наказ. Мы просимъ васъ, чтобы при обсужденіи, имѣло ли по настоящему дѣлу мѣсто какое либо преступное дѣяніе, вы вошли въ обсужденіе вопроса о примѣнимости въ данномъ случаѣ ст. 101 или 1467 улож.

При такихъ условіяхъ произошелъ самый фактъ преступнаго дѣянія, какъ я его понимаю. Но, каково бы ни было юридическое значеніе этого дѣянія, можетъ ли оно быть приписано всѣмъ подсудимымъ? Тяжелая сторона защиты по настоящему дѣлу заключается въ томъ, что она лишена возможности назвать лицо, сдѣлавшее два выстрѣла 4 го марта. Намъ ясно, насколько легче была бы задача защиты, если бы мы могли это сдѣлать. Мы понимаемъ, что отказъ подсудимыхъ назвать товарища, сдѣлавшаго эти выстрѣлы, дающіе поводъ обвинителю смѣшивать несомнѣнно простую „солидарность“, существующую между подсудимыми съ соучастіемъ ихъ въ преступленіи можетъ и въ васъ зародить сомнѣніе въ фактической виновности всѣхъ подсудимыхъ въ убійствѣ. Мы боимся, что поставленные передъ диллеммой или всѣхъ оправдать или всѣхъ обвинить, вы скорѣе склонитесь къ послѣднему рѣшенію, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы вы имѣли средній выходъ — возможность обвинить одного фактическаго виновника и — покаюсь передъ всѣми, при всемъ нашемъ убѣжденіи въ томъ, что этотъ фактическій виновникъ, защищавшій жизнь свою и жизнь своихъ товарищей, пострадаетъ за поступокъ, который на его мѣстѣ совершилъ бы всякій человѣкъ,—мы, защитники, невольно желали бы предоставить полную возможность осужденія одного подсудимаго, мы съ болью въ сердцѣ, но согласились бы на жертву одного, хотя бы и невиннаго, ради спасенія другихъ 58 невинныхъ! Я извиняюсь, что говорю такъ передъ вами, но я знаю по собствен-

ному опыту, знаю тяжкую обязанность судьи; я знаю, что судебный приговоръ является столько же результатомъ работы ума, сколько и актомъ воли, знаю искреннее стремленіе судьи, чтобы приговоръ принесъ извѣстное общее удовлетвореніе и боязнь, чтобы приговоръ этотъ не вызвалъ извѣстныхъ нареканій. Какой честный судебный дѣятель будетъ, утверждать что подобныя соображенія никогда не зарождались въ его умѣ, что въ тайникѣ его души не появлялись подобныя побужденія, вызываемыя преданностью нашему суду и желаніемъ ему блага, но порою приводившія къ тому, что въ судебномъ приговорѣ сказывалась не вся истина, а только часть ея? И такъ мы защитники, имѣемъ основаніе желать, чтобы вы знали имя лица, сдѣлавшаго два выстрѣла, намъ это не удалось; подсудимые съ той солидарностью, которую подчеркнулъ г нъ прокуроръ, отказались выдать своего товарища; вы можете такъ или иначе отнестись къ этой рѣшимости подсудимыхъ, но, конечно, вы не припишете ее малодушному желанію избѣжать отвѣтственности за свои поступки. Люди, которые шли на смерть, которые дали передъ вами столь прямыя и правдивыя объясненія, которые отказываются назвать стрѣлявшаго товарища, несмотря на убѣжденія ихъ защитниковъ въ томъ, что обнаруженіе этого лица послужило бы въ пользу ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ, и самаго стрѣлявшаго, — очевидно поступаютъ не изъ страха передъ наказаніемъ и, если вы вникните въ душевное состояніе подсудимыхъ, если вы поймете ихъ психологію, вамъ сдѣлается понятна ихъ солидарность, и вы не признаете ее уликой, на которой можно было бы построить обвиненіе всѣхъ подсудимыхъ въ преступленіи. Какія же, кромѣ этой улики, указанной г. прокуроромъ „солидарности“, имѣются данныя для обвиненія подсудимыхъ въ предварительномъ соглашеніи на убійство? Обвинитель указываетъ въ этомъ отношеніи на одно обстоятельство — на письменное заявленіе отъ 4 марта, въ которомъ они, указывая на предпринимаемыя полиціею и нижними воинскими чинами по отношенію къ нимъ самовольныя и противорѣчащія завѣреніямъ властей агрессивныя дѣйствія, предупреждаютъ, что, въ случаѣ продолженія такого противозаконнаго насилія, они будутъ защищаться, но можно ли эту угрозу, прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ допускаемой закономъ самозащитѣ, считать за вполнѣ выраженное предварительное соглашеніе всѣхъ подсудимыхъ на опредѣленное преступленіе? Если видѣть въ содержаніи заявленія отъ 4 марта выраженіе соглашенія подсудимыхъ на совершившееся затѣмъ убійство, то точно съ такимъ же правомъ такое же соглашеніе можно было бы усматривать въ ихъ заявленіи отъ 26 февраля. Оба эти заявленія отличаются между собой только редакціей, но сущность заключающейся въ обоихъ угрозы совершенно одинакова. Между тѣмъ, самъ обвинитель не придаетъ никакого значенія заявленію 26-го февраля, ибо въ противномъ случаѣ ему пришлось бы обвинять въ убійствѣ и подсудимаго Никифорова, 26 февраля бывшаго еще въ Романовкѣ, чего обвинитель не дѣлаетъ. На какомъ же основаніи отвергать значеніе улики по отношенію къ одному доказательству и признавать это значеніе за дру-

гимъ совершенно однороднымъ? Итакъ, по дѣлу не добыто никакихъ данныхъ къ установленію соучастія всѣхъ подсудимыхъ въ убійствѣ, совершенномъ, очевидно, вслѣдствіе внезапно явившагося умысла, подъ вліяніемъ раздраженія и страха передъ угрожавшей опасностью и, не имѣя прочаго убѣжденія въ виновности опредѣленныхъ лицъ, судъ не можетъ обвинить кого либо изъ подсудимыхъ.

Перейдя затѣмъ къ обвиненію подсудимыхъ въ выстрѣлахъ, будто бы сдѣланныхъ ими 5 и 6 марта, защитникъ подчеркнулъ, что самъ прокуроръ оговаривается, что въ дѣлѣ нѣтъ безусловныхъ доказательствъ къ существованію со стороны подсудимыхъ тѣхъ выстрѣловъ, которые они отрицаютъ, почему обвинитель выясненіе этого вопроса „предоставляетъ“ судейскому убѣжденіюсудей. Всякій понимаетъ жизненное значеніе подобной оговорки обвинителя, проявившаго въ этомъ случаѣ большое безпристрастіе. Приводя данныя, служащія къ подтвержденію обвиненія подсудимыхъ въ стрѣльбѣ 5 и 6 марта, обвинитель ссылается на свидѣтелей Яхонтова, Быланова, двухъ Федоровыхъ, Филатова, Малышева, Кудельникова. Съ своей стороны, Зарудный въ дополненіе къ соображеніямъ перваго защитника, привелъ записанныя имъ во время судебнаго слѣдствія подлинныя выраженія этихъ свидѣтелей и, на основаніи ихъ объясненій, доказывалъ, что всѣ эти свидѣтели, кромѣ Кондакова, не утверждаютъ, чтобы, видѣли выстрѣлы подсудимыхъ, а высказываютъ предположеніе что стрѣляли подсудимые, такъ какъ „больше было некому“. На судѣ выяснилось, однако, что стрѣлять было кому и кромѣ подсудимыхъ. Что же касается свидѣтеля Кондакова, то, принимая во вниманіе отдаленность разстоянія, съ какого онъ смотрѣлъ на Романовку, его испугъ и окружавшую его обстановку и стоявшій въ то время, по удостовѣренію одного свидѣтель среди улицы дымъ, вполнѣ возможно предположить добросовѣстную со стороны названнаго свидѣтеля ошибку. Подводя итоги сдѣланному на разборѣ обстоятельствъ настоящаго дѣла, защитникъ находилъ возможнымъ осужденіе подсудимыхъ лишь въ неисполненіи требованія губернатора разойтись т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 2 и 3 ей частью 38 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями.

Закончилъ свою рѣчь Зарудный приблизительно слѣдующими словами: но, какимъ бы образомъ вы не охарактеризовали дѣянія подсудимыхъ, подъ какую ст. уг. кодекса вы ни подвели бы ихъ, вы должны разсмотрѣть тѣ душевныя побужденія, тѣ мотивы, которыми руководились подсудимые при вмѣняемыхъ имъ въ вину поступкахъ, должны разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли условія жизни административныхъ ссыльныхъ въ Якутской области были настолько тяжелы, какъ объ этомъ объясняютъ подсудимые, были ли эти условія настолько невыносимы, что протестъ противъ нихъ не можетъ не вызвать сочувствія со стороны безпристрастнаго судьи, или, напротивъ того, поведеніе подсудимыхъ не находитъ себѣ никакого оправданія въ той обстановкѣ, въ которой они жили, является лишь результатомъ преступной воли и склонности къ безпорядкамъ. Если вы исключаете эти вопросы изъ подлежащихъ вашему

разсмотрѣнію предметовъ, если, интересуясь внѣшнею стороною дѣйствій подсудимыхъ, вы не зададитесь цѣлью понять внутренній ихъ смыслъ, — то вы вынете душу изъ вашего приговора, вы оставите лишь внѣшнюю формальную оболочку и выкинете то, что собственно и должно составлять истинное содержаніе судебнаго рѣшенія.

Правда ли, что условія жизни административныхъ ссыльныхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего отечества страшно несправедливо — тяжелы и что нѣкоторыя изъ послѣдовавшихъ въ послѣдніе годы административныхъ распоряженій сдѣлали эти условія совершенно невозможными для сколько-нибудь нормальной человѣческой жизни?

„Наше время не можетъ болѣе терпѣть всѣхъ безобразныхъ явленій ссылки, всего того, что происходитъ въ ея распущенной и безпорядочной области". Это не мои слова, гг. судьи, это слова министра юстиціи, произнесенныя имъ 24 апрѣля 1900 г. въ засѣданіи государственнаго совѣта по вопросу объ отмѣнѣ ссылки. „Нельзя мириться, — говоритъ далѣе статсъ-секретарь Муравьевъ, — съ нынѣшнимъ вполнѣ разстроеннымъ, глубоко вреднымъ положеніемъ всего ссылочнаго строя, если такъ можно назвать колоссальные факты сплетенія неустранимыхъ безпорядковъ и роковыхъ недоразумѣній".

Теперь, послѣ всего того, что въ послѣднее время предпринято было правительствомъ для урегулированія условій ссылки, послѣ закона о почти полной отмѣнѣ ссылки по суду, о недостаткахъ ссылки можно говорить прямо и смѣло. Изъ всего того, что написано о русской ссылкѣ, наиболѣе строгой ея критикой, произнесшею безпощадный и безапеляціонный приговоръ являются, по моему мнѣнію, труды чиновниковъ, посланныхъ высшимъ правительствомъ въ Сибирь для изслѣдованія вопроса о ссылкѣ, напримѣръ, работы Дриля, Соломона. Одинъ изъ подсудимыхъ во время судебнаго слѣдствія по настоящему дѣлу назвалъ ссылку „медленной смертною казнью". Зналъ ли подсудимый, когда онъ говорилъ это, что онъ повторяетъ лишь слова бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора графа Игнатьева, который, какъ это опубликовано въ оффиціальномъ органѣ министерства юстиціи, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ назвалъ ссылку въ Сибирь „особой формой медленной смертной казни?' Если вспомнить сдѣланный передъ вами подсудимымъ докторомъ Розенталемъ подсчетъ числа политическихъ ссыльныхъ Якутской области, убитыхъ, покончившихъ съ собой, умершихъ и сошедшихъ съ ума за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ, то, быть можетъ, справедливѣе будетъ назвать нынѣшнюю ссылку въ Якутскую область — быстрой смертной казнью.

Кто эти лица, идущія сюда въ ссылку съ отстоящей отсюда на много тысячъ верстъ родины? это — неопороченные судебнымъ приговоромъ люди, это — лица, ссылаемыя административнымъ порядкомъ подъ временный гласный надзоръ полиціи. Мы видѣли, какъ законъ смотритъ на поднадзорныхъ, являющихся вполнѣ полноправными гражданами, стѣсненными въ

своихъ правахъ лишь постольку, поскольку это точно указано въ законѣ. Законъ 12 марта 1882 года озабочивается о возможно нормальной и обезпеченной жизни не только самихъ поднадзорныхъ, но и ихъ семей, онъ запрещаетъ дѣлать на выдаваемыхъ поднадзорнымъ на проживаніе свидѣтельствахъ отмѣтки о нахожденіи ихъ подъ надзоромъ (ст. 6), очевидно съ тою цѣлью, чтобы не компрометтировать поднадзорныхъ въ глазахъ мѣстнаго населенія и не препятствовать имъ въ его обычномъ образѣ жизни, законъ (ст. 37) желаетъ наконецъ, чтобы поднадзорные не прерывали своихъ постоянныхъ занятій. Такова мысль закона, но насколько иначе все это исполняется на практикѣ!

Какъ правъ былъ гр. Игнатьевъ, когда говорилъ въ томъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ, что „поставить ссылку въ такія условія... (Предсѣдатель прерывая защитника) „г-нъ защитникъ, судъ не провѣрялъ, что говорилъ гр. Игнатьевъ, прошу васъ не касаться этого".

Зарудный (продолжая): я хотѣлъ лишь указать вамъ, сколь тяжелы были условія сибирской ссылки и въ прежніе годы, ранѣе возникновенія того „новаго режима", о которомъ столько говорилось на судебномъ слѣдствіи. И вотъ наступаетъ новый режимъ и лишаетъ поднадзорныхъ немногихъ допускавшихся продолжительной практикой льготъ, которыя сколько нибудь скрашивали ихъ жизнь, дѣлая ее возможной. Совершенно исключительныя условія жизни въ глухомъ наслегѣ дѣлали подчасъ совершенно необходимой кратковременную отлучку изъ мѣста жительства для пріобрѣтенія необходимаго провіанта, обращенія къ медицинской помощи и т п. Втеченіе долгаго времени администрація, видя неизбѣжность подобныхъ отлучекъ, мирилась съ ними. И вдругъ приказъ: *всякая* кратковременная отлучка считается преступленіемъ, за которое безъ суда назначается страшное наказаніе — высылка за тысячи верстъ въ мѣстности съ самымъ суровымъ климатомъ на свѣтѣ. Обстановка, при которой приводится въ исполненіе административное распоряженіе о высылкѣ въ Сибирь, неожиданность подчасъ ареста и отправки, нерѣдко неимѣніе въ дорогѣ самыхъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, одежды и пр., тяжесть и продолжительность пути, все это въ связи съ той солидарностью, которая, безъ сомнѣнія, соединяетъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ, — создало обычай, согласно которому ссыльные при проходѣ черезъ ихъ мѣстожительства партій товарищей, приходятъ къ нимъ на помощь, чѣмъ могутъ, и этимъ хоть сколько нибудь облегчаютъ тяжелыя условія, въ которыхъ имъ приходится совершать далекій путь. Что можетъ быть естественнѣе и симпатичнѣе этого обыкновенія? Многіе подсудимые говорили вамъ о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ имъ пришлось совершать далекое путешествіе въ Сибири и конечно, вашъ житейскій опытъ подсказалъ вамъ, насколько правдивы были эти объясненія подсудимыхъ. Но и главный свидѣтель по настоящему дѣлу, г. Чаплинъ, долженъ былъ признать, что требованіе мѣстными ссыльными свиданій съ проходящими въ партіи товарищами вызывается, хотя и въ нѣкоторой только степени, же-

ланіемъ оказать товарищамъ необходимую для нихъ помощь. Мы благодарны г. Чаплину и за это, хотя бы только частное признаніе справедливости объясненій подсудимыхъ, но если, помощь мѣстныхъ ссыльныхъ является, хотябы „отчасти“ только, необходимой ихъ пересылаемымъ товарищамъ, если, такимъ образомъ, полиція по тѣмъ или другимъ причинамъ не можетъ предусмотрѣть и своевременно удовлетворить всѣхъ нуждъ лицъ, высылаемыхъ ею въ административномъ порядкѣ за тысячи верстъ, то не ясно ли, что тѣ мѣстные ссыльные, которые приходятъ на помощь своимъ пересылаемымъ товарищамъ, оказываютъ въ этомъ случаѣ содѣйствіе и самому правительству, помогая ему исполнять то, что лежитъ на его прямой обязанности? Думаю, что въ силу тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ административная ссылка въ Сибирь, просвѣщенная администрація должна была бы идти на встрѣчу оказываемой ей въ этомъ случаѣ ссыльными помощи. И вотъ, не только всякія свиданія съ пересылаемыми товарищами стали запрещаться, но поднадзорнымъ оффиціально была объявлена угроза, что всякая, хотя и совершаемая въ вполнѣ законныхъ формахъ, попытка увидѣться съ пересылаемыми повлечетъ за собою высылку въ отдаленнѣйшія мѣстности... Понятно, какое дѣйствіе должно было имѣть на подсудимыхъ примѣненіе „новаго режима“. Не красна и прежде была ссылка и, однако, въ своихъ объясненіяхъ подсудимые чуть ли не съ нѣкоторой благодарностью вспоминаютъ о прежнихъ порядкахъ, а въ вмѣняемыхъ имъ въ вину требованіяхъ, предъявляемымъ ими властямъ, они протестуютъ лишь противъ нововведеній послѣднихъ лѣтъ, окончательно отравившихъ ихъ и прежде бывшее не легкимъ существованіе въ ссылкѣ. И ради измѣненія этого „новаго режима“, ради того, чтобы добиться въ этомъ отношеніи возвращенія къ прежнимъ, втеченіе многихъ лѣтъ примѣнявшимся, порядкамъ — они шли на смерть! Если правда, что ссылку въ Сибири считаютъ медленой смертной казнью, то слѣдуетъ ли возмущаться, когда казнимый инстинктивно отталкиваетъ руку палача, пытается сорвать наброшенную ему на шею веревку! Гг. судьи! Справедливый судебный приговоръ не можетъ не заключить въ себѣ оцѣнки извѣстныхъ общихъ условій, когда они являются ближайшей непосредственной причиной преступленія и приговоръ суда въ послѣднихъ случаяхъ можетъ имѣть огромное нравственное и общественное значеніе. По обстоятельствамъ дѣла, вы должны ввести въ вашъ приговоръ этотъ элементъ и приговоръ вашъ можетъ имѣть большое общественное значеніе. Вы не можете не произнести вашего сужденія объ условіяхъ административной ссылки въ Сибири и кто знаетъ, быть можетъ, въ наше время, когда идутъ горячія работы по преобразованію нашего уголовнаго и судебнаго законодательства, когда предстоитъ необходимость, такъ или иначе, покончить съ давно наболѣвшимъ, но окончательно еще не разрѣшеннымъ вопросомъ о ссылкѣ, вашъ приговоръ въ этой его части и вступитъ въ законную силу.

Исполните же вашъ долгъ по вашему убѣжденію и вашей совѣсти! а я, исполняя свой долгъ до конца, скажу еще одно:

со всѣмъ убѣжденіемъ, на которые я только способенъ, со всей вѣрой въ конечное торжество добра, которая у меня есть, съ горячей любовью къ родинѣ, которая мнѣ присуща, — присоединяю и я свое имя къ подписямъ на заявленіи, поданномъ якутскому губернатору 18 февраля этого года.

Рѣчь Наума Кагана.

Я хочу объяснить, что меня толкнуло на борьбу и привело сюда, на скамью подсудимыхъ. Я ни минуты не сомнѣвался, что мы будемъ сломлены, потому что самодержавное правительство перестало-бы быть самимъ собою, отказалось бы отъ своей внутренней сущности, еслибъ для укрощенія строптивыхъ не прибѣгло къ силѣ. Я смотрѣлъ на самого себя и своихъ товарищей, какъ на людей обреченныхъ, — и тѣмъ не менѣе я пошелъ въ домъ Романова, пошелъ бодро, радостно, съ сознаніемъ, что то, что я сдѣлаю, важно и нужно. И вотъ почему въ моихъ глазахъ нашъ протестъ былъ важенъ и нуженъ.

Измученный тяжелымъ, чреватымъ всякими исторіями, полуторагодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Воронежѣ, я шелъ въ ссылку, если не съ радужными надеждами, которымъ здѣсь вообще не могло быть мѣста, то съ увѣренностью, что тамъ можно будетъ и душой отдохнуть и позаняться. Тамъ, думалось мнѣ, не будетъ этого постояннаго попиранія нашей личности, которое вошло въ систему по отношенію къ намъ въ тюрьмахъ, не будетъ этого мелочнаго, придирчиваго контроля надъ каждымъ шагомъ и движеніемъ, этой унизительной, назойливой опеки, невыносимой для взрослаго человѣка вообще, для человѣка мыслящаго, культурнаго, въ особенности. Я выработалъ себѣ обширный планъ занятій, за которыя думалъ взяться, какъ только осяду на мѣстѣ. Мысль о какой бы то ни было борьбѣ въ ссылкѣ мнѣ и въ голову не приходила. Правда, я зналъ о ссылкѣ очень немногое, но то, что я зналъ, мнѣ, человѣку, неизбалованному самодержавнымъ правительствомъ, представлялось не на настолько вопіющимъ, чтобъ поднимать исторіи.

Надо сказать, что шелъ я въ ссылку въ іюль—августъ 1903 года, т. е. какъ разъ тогда, когда графъ Кутайсовъ вступилъ въ управленіе Вост. Сибирью. 15 іюля наша партія, человѣкъ въ 30, вышла изъ Александровской тюрьмы, и, если я не ошибаюсь, намъ первымъ выпало на долю испытать на себѣ всѣ прелести новаго курса.

Сопровождавшій партію офицеръ, поручикъ Прусиновскій, былъ, повидимому, человѣкъ не злой, но всѣ эти циркуляры, предписанія и строжайшія инструкціи до того взвинтили этого усерднаго, вдобавокъ недалекаго и малограмотнаго, служаку, что онъ склоненъ былъ усматривать чуть-ли не бунтъ въ малѣйшемъ пустякѣ, вродѣ, напр., требованія, чтобъ на паузкахъ были прорублены для свѣта окошечки. Благодаря этому, у насъ произошелъ цѣлый рядъ столкновеній. Въ Киренскѣ дѣло

дошло до того, что солдаты стрѣляли, правда, на воздухъ, и бросились на насъ съ прикладами, причемъ одинъ изъ товарищей Сикорскій былъ раненъ въ голову. Не удовольствовавшись этимъ, Прусиновскій вызвалъ меня, какъ старосту партіи, къ себѣ на паузокъ — и тутъ ужъ далъ себѣ полную волю. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ онъ разражался по моему адресу и по адресу отсутствовавшихъ товарищей самой площадной бранью, онъ, какъ разъяренный звѣрь, бросался на меня, когда я дѣлалъ попытку уйти отъ этихъ оскорбленій, онъ грозилъ связать меня, заковать въ кандалы, не пустить къ товарищамъ, которые въ ожиданіи меня переживали мучительные, тревожные часы. Минутами мнѣ нужно было страшно много самообладанія, чтобъ не схватить его за горло. Но что я могъ сдѣлать, одинокій, безоружный, окруженный солдатами, готовыми броситься на меня по первому знаку начальника, вдали отъ товарищей, которые даже не знали бы, какъ я погибъ?

Какія думы и чувства зародились во мнѣ подъ вліяніемъ пріемовъ г. Прусиновскаго, понять не трудно. Да и не во мнѣ одномъ. 33 хъ дневное плаванье на паузкахъ было прекрасной школой протеста для всей партіи.

Страшно становится, когда вспоминаешь, что приходилось переживать. Начиналась осень, холодная, дождливая. Паузокъ нашъ, тѣсный, низкій, какъ гробъ, наскоро сколоченный изъ досокъ, протекалъ, какъ рѣшето. Постели, платье, бѣлье—все пропитывалось водой, которая стояла цѣлыми лужами на нарахъ, на полу. Въ широкія щели насъ пронизывали туманы и холодные вѣтры съ рѣки. Почти вся партія переболѣла; въ иные дни у насъ бывало до десятка больныхъ. Но мы о себѣ не думали: съ нами были маленькія дѣти, и среди нихъ двое грудныхъ. Они разболѣлись коклюшемъ и мы только чудомъ довезли ихъ. Какъ мы изстрадались душой за этихъ маленькихъ страдальцевъ, которымъ такъ рано довелось испытать на себѣ всю черствость и бездушіе правительственныхъ агентовъ,—особенно въ дождливые дни, когда мы буквально не могли найти для нихъ хоть какого-нибудь сухого мѣстечка на нарахъ! Нѣтъ, такія вещи не забываются, не прощаются...

Всѣ наши просьбы о принятіи какихъ-либо мѣръ оставались тщетными. Офицеръ упорно ссылался на то, что какая-то коммиссія, о которой мы не имѣли представленія, признала паузки годными для плаванія, и отказывался сдѣлать что бы то ни было. Я просилъ его съѣздить самому на паузокъ, чтобъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, — г. Прусиновскій цинично отвѣтилъ, что у него нѣтъ никакой охоты мокнуть ради насъ подъ дождемъ. Я умолялъ его, особенно послѣ Киренска и вплоть до Якутска, вызвать къ больнымъ врача,—онъ отказалъ безъ объясненія причинъ. Я отъ имени партіи телеграфировалъ въ Иркутскъ, обрисовалъ весь ужасъ нашего положенія,—телеграмма осталась безъ отвѣта, только лишній разъ убѣдивъ насъ, что наши администраторы считаются съ просьбами только тогда, когда просящіе обнаруживаютъ готовность подкрѣпить свои просьбы силой.

Это былъ сплошной ужасъ, безграничное отчаяніе. Прибавьте къ этому, что почти всю дорогу мы не имѣли возможности видѣться ни съ однимъ изъ нашихъ ссыльныхъ друзей и родныхъ. Многіе изъ насъ имѣли по путивъ колоніяхъ братьевъ, сестеръ, близкихъ людей, съ которыми они не видѣлись годы и о встрѣчѣ съ которыми мечтали съ такимъ радостнымъ волненіемъ. Офицеръ, опираясь на новый циркуляръ, приказывалъ, чтобы не допускать свиданій, останавливать нашъ паузокъ за 5—10 верстъ выше или ниже населенныхъ мѣстъ. Это было тяжелое, обидное лишеніе. Не говоря уже о томъ, что насъ лишаютъ права, которое предоставляется даже каторжанамъ, тутъ есть и другая сторона дѣла: въ большинствѣ случаевъ, приговоры застаютъ заключенныхъ въ тюрьмѣ врасплохъ и ссылаемые сплошь и рядомъ лишены возможности снарядиться въ такой далекій, трудный путь. Притомъ, въ послѣднее время въ Сибирь ссылаютъ сотни бѣднаго рабочаго и крестьянскаго люда, не имѣющаго ни денегъ, ни теплаго платья. Товарищи въ пути охотно помогаютъ имъ, чѣмъ могутъ, и циркуляръ о запрещеніи свиданій для нихъ равносиленъ обреченію на холодъ и голодъ. Высказанное здѣсь на судѣ вице-губернаторомъ Чаплинымъ, что, мы, добиваясь свиданія, преслѣдуемъ главнымъ образомъ, какія-то преступныя политическія цѣли („общеніе съ единомышленниками"), въ значительной мѣрѣ является плодомъ напуганнаго воображенія. За часъ-другой свиданія, да притомъ еще въ присутствіи конвоя, революціи не сдѣлаешь и не подготовишь, а для „преступныхъ" сношеній въ распоряженіи ссыльныхъ имѣются другіе способы.

Но я возвращаюсь къ прерванному разсказу о нашемъ плаваніи. Намъ не давали возможности покупать что бы то ни было на берегу, и мы, поэтому, бывали вынуждены платить втридорога за скверные продукты г. Прусиновскому, для котораго (какъ, впрочемъ, и для всѣхъ сопровождающихъ партію офицеровъ) лавочка составляла санкціонированную закономъ доходную статью и который не гнушался наживаться на счетъ нашихъ грошей и грошей слѣдовавшихъ въ партіи уголовныхъ. Ревниво оберегая свои доходы, онъ разъ чуть не избилъ одного солдата, который, тайно отъ него, однажды купилъ для насъ на берегу пудъ картофеля. И мы должны были питаться его скверной солониной, заплѣсневѣлыми сухарями и гнилыми омулями, которые онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сбыть и которые мы волей-неволей покупали, такъ какъ замѣнить ихъ было нечѣмъ.

Прибавьте къ этому, что мы цѣлыми недѣлями должны были задыхаться въ затхлой атмосферѣ тѣснаго паузка, не имѣя возможности хоть изрѣдка подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ на берегъ, даже во время остановокъ, насъ ни подъ какимъ видомъ не выпускали. Прибавьте къ этому, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ прижимокъ, обидъ и оскорбленій со стороны этого морально одеревенѣлаго, вдобавокъ, почти всегда пьянаго человѣка; вдумайтесь хоть немного въ эту блѣдно нарисованную мной картину, поставьте себя на наше мѣсто, — и вы поймете, что должны были переживать мы, люди съ высоко-

развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, преслѣдуемые именно за неумѣніе мириться съ гнетомъ и насиліемъ, вы поймете, что даже самые миролюбивые изъ насъ не могли не затаить въ душѣ гнѣва и ожесточенія.

Недаромъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, всѣ тѣ изъ нашей партіи, которые во время организаціи протеста были въ Якутскѣ или въ не слишкомъ отдаленныхъ улусахъ. Это не простая случайность. Они, какъ и я, прошли хорошую школу протеста. Таковы первые уроки, которые дала мнѣ сибирская дѣйствительность. Дальнѣйшій личный опытъ только укрѣплялъ меня въ сознаніи важности и необходимости борьбы.

Черезъ нѣкоторое время по прибытіи въ Якутскъ, я былъ водворенъ въ Богородскомъ наслегѣ. Водвореніе выразилось въ томъ, что казакъ сдалъ меня на руки писарю—и съ сознаніемъ исполненнаго долга вернулся въ городъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и поисковъ, выяснилось, что во всемъ наслегѣ нѣтъ ни одной свободной юрты. Писарь только пожималъ плечами, недоумѣвая, какъ власти посылаютъ сюда политическихъ. Правда, верстахъ въ 10-ти отъ города стоялъ одинокій старый домъ, давно уже выстроенный однимъ изъ политическихъ, но въ его двухъ полуразрушенныхъ комнатахъ уже жило чел. 8 ссыльныхъ, въ томъ числѣ двѣ семьи. Мнѣ предстоялъ выборъ между заброшенной якутской баней, состоявшей изъ 4-хъ стѣнъ, безъ оконъ, крыши и потолка, и между домикомъ на одной заимкѣ (дачѣ). Чтобъ сдѣлать баню хоть немного обитаемой, по словамъ моего возницы приходилось затратить до 40 руб., а потому я выбралъ заимку. До сихъ поръ не понимаю, какъ я выжилъ эту зиму на своей неприспособленной для холодовъ дачѣ! Чтобъ не замерзнуть, я долженъ былъ цѣлый день сидѣть у камелька и безпрерывно подкладывать въ него дрова. За нѣсколько ночныхъ часовъ, въ которые я не топилъ, стѣны покрывались налетомъ инея, въ самоварѣ и ведрѣ замерзала въ комнатѣ вода, обувь до того промерзала, что я долженъ былъ долго отогрѣвать ее на камелькѣ, къ металлическимъ вещамъ нельзя было дотронуться голыми руками. По утрамъ, пока я съ лихорадочной поспѣшностью растапливалъ камелекъ, у меня отъ холода буквально зубъ на зубъ не попадалъ. И эта пытка тянулась мѣсяцы. И приходилось терпѣть. Дѣлать представленія, просить, хлопотать? Но губернаторъ, г. Булатовъ, систематически игнорировалъ всѣ наши просьбы и ходатайства. Я рѣшительно не знаю случая, чтобы хоть одно ходатайство ссыльныхъ, даже самое законное, было имъ удовлетворено. Въ декабрѣ, когда морозъ доходилъ до 50° Р., я подалъ прошеніе о разрѣшеніи мнѣ поѣхать на двѣ недѣли въ Чурапчу, за 150 верстъ еще дальше Якутска: мнѣ хотѣлось хоть на короткое время бѣжать изъ своей ужасной заимки. Но я получилъ отвѣтъ, за подписью г. Булатова, что моя просьба не признана заслуживающей удовлетворенія.

И при всемъ томъ полнѣйшая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, въ томъ, что завтра тебѣ не объявятъ о переводѣ въ Колымскій округъ. Для этого нужно было такъ немного. Мы

были поставлены въ такое положеніе, что не могли не нарушать циркуляра объ отлучкахъ. Взять, напр., меня: кромѣ стараго черкеса-сторожа заимки да еще одного объякутившагося поселенца—уголовнаго, кругомъ меня на нѣсколько верстъ было абсолютное безлюдье. Не говоря уже о страшной тоскѣ, способной довести человѣка до самоубійства или сумашествія, мнѣ необходимо было время отъ времени приходить въ городъ, хотя бы для того, чтобы не умереть съ голоду: истощались съѣстные припасы. И вотъ тутъ-то вставала предо мною дилемма: идти въ городъ безъ разрѣшенія? Я рисковалъ высылкой въ Колымскій округъ. А заручиться разрѣшеніемъ было дѣломъ далеко нелегкимъ: для этого я долженъ былъ отправиться въ родовую управу, отстоящую въ 10 верстахъ отъ моей заимки (и отправиться, конечно, пѣшкомъ, потому что изъ 12 руб. пособія мудрено купить и содержать лошадь), вручить писарю прошеніе на имя якутскаго исправника, затѣмъ, сдѣлавъ еще 10 верстъ, вернуться къ себѣ и терпѣливо ждать — мѣсяцъ, а то и дольше — пока черезъ ту же управу не получу желательнаго разрѣшенія или отказа. Продѣлать всю эту нелѣпую комедію я, конечно, не могъ и время отъ времени приходилъ въ городъ безъ разрѣшенія, при чемъ долженъ былъ, какъ воръ, прятаться отъ властей и шпіоновъ. Однажды, уличенный въ этомъ страшномъ преступленіи, я былъ вызванъ къ исправнику, который сдѣлалъ мнѣ внушительное предостереженіе съ напоминаніемъ о томъ, что существуютъ мѣста еще болѣе отдаленныя и съ угрозой дать дѣлу законный ходъ, если я еще разъ буду замѣченъ въ городѣ.

Вообще, со вступленіемъ въ управленіе графа Кутайсова, и безъ того тяжелая жизнь ссыльныхъ стала совершенно невыносимой. Они въ буквальномъ смыслѣ поставлены были внѣ закона, даже внѣ того жалкаго закона, который до сихъ поръ все же немного ограждалъ ихъ отъ слишкомъ ужъ безцеремоннаго произвола. Они оказывались лишенными самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, точно это не живые люди, а какія то приложенія къ статейнымъ спискамъ; ихъ поставили въ полную зависимость отъ благорасположенія всякаго начальства, до урядниковъ и десятскихъ включительно: достаточно было чѣмъ нибудь не угодить этимъ господамъ, чтобъ возникло дѣло о самовольной отлучкѣ или сопротивленіи властямъ, — и въ результатѣ высылка, безъ суда и разслѣдованія, въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области, или продленіе срока; они вдругъ увидѣли себя связанными цѣлой сѣтью шпіонства, которое дошло до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что шпіонамъ. называемымъ на языкѣ циркуляровъ надзирателями, предписывается ежедневно доставлять свѣдѣнія о томъ, когда каждый изъ ссыльныхъ встаетъ, когда ложится, чѣмъ занимается втеченіе дня, куда ходитъ, съ кѣмъ встрѣчается, о чемъ говоритъ и тому подобное. Дальше этого идти уже некуда. Но я не буду говорить о всѣхъ притѣсненіяхъ, обрушивавшихся, съ водвореніемъ Кутайсовскаго режима, на ссылку. О нихъ здѣсь достаточно было сказано другими. Скажу только два слова о послѣднемъ этапѣ, черезъ который я пришелъ къ дому Романова.

11 февраля этого года, т. е. ровно за недѣлю до нашего протеста, въ Якутскъ прибыла одна изъ партій политическихъ ссыльныхъ. Я какъ разъ былъ тогда въ городѣ. На почвѣ циркуляра о запрещеніи свиданій, у нея вышелъ цѣлый рядъ столкновеній, а въ Усть-Кутѣ и Киренскѣ эту партію вязали и били. Разсказы прибывшихъ товарищей потрясли меня, перевернули во мнѣ душу. Я помню, въ эту ночь я долго не могъ уснуть; я все представлялъ себѣ, какъ полицейская орда набрасывается на беззащитныхъ товарищей, какъ ихъ бьютъ, топчутъ ногами, вяжутъ, какъ потомъ, послѣ долгаго издѣвательства, ихъ, избитыхъ, униженныхъ, задыхающихся отъ безсильной злобы, бросаютъ связанными въ кошевы и въ такомъ видѣ, при 40° морозѣ, везутъ дальше. Особенно мучило меня одно представленіе: это сцена избіенія одной политической женщины, которой я, между прочемъ, совершенно не зналъ. Я почти видѣлъ передъ собой эту чудовищную, дикую картину, она давила меня тяжелымъ кошмаромъ, долго и неотступно преслѣдовала меня. Этотъ фактъ былъ для меня рѣшающимъ моментомъ. Я увидѣлъ, что грубое физическое насиліе, звѣрскія избіенія входятъ въ систему, становятся чѣмъ-то обычнымъ, какъ нѣчто неразрывно, органически связанное со всѣмъ новымъ режимомъ. И если я до сихъ поръ еще колебался, все еще допускалъ возможность протеста мирнаго, легальнаго, то теперь я зналъ, что нужно дѣлать. Тамъ, гдѣ бьютъ, гдѣ такъ издѣваются надъ человѣкомъ, — недостойно отвѣчать бумажными протестами, недостойно людей, имѣющихъ представленіе о чести и человѣческомъ достоинствѣ: притомъ я слишкомъ хорошо зналъ, къ чему у насъ на Руси ведутъ бумажные протесты. Вырывавшіеся время отъ времени изъ среды ссыльныхъ вопли боли и возмущенія, въ видѣ все учащавшихся случаевъ самоубійства и сумашествія, были сами по себѣ достачно краснорѣчивы, но они были слишкомъ слабы, чтобы прорваться за толстую стѣну административнаго формализма и бездушія. Необходимо было крикнуть міру, что на далекой окраинѣ Россіи, въ этой огромной и страшной тюрьмѣ, которая называется сибирской ссылкой, бьютъ и душатъ, губятъ сотни молодыхъ жизней. Другого пути не было. Такъ думалъ не я одинъ, и 18 февраля я очутился въ домѣ Романова вмѣстѣ съ товарищами. Передъ тѣмъ, какъ уйти туда, я сдѣлалъ всѣ приготовленія на случай смерти, въ близости которой, отъ пули или висѣлицы, я почти не сомнѣвался. Изъ этого вы можете видѣть, какъ сильны, какъ властны были побужденія, толкнувшія меня на борьбу. Скажу больше: если бы я не былъ съ борющимися товарищами, я никогда не нашелъ бы себѣ покоя. Теперь я спокоенъ, я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Вы, гг. судьи, тоже сдѣлаете, вѣроятно, то, что должны сдѣлать по долгу службы, т. е. приговорите меня къ одному изъ тѣхъ наказаній, какія вамъ такъ часто приходилось примѣнять къ ворамъ, грабителямъ и аферистамъ. Но, какой бы приговоръ вы ни вынесли мнѣ, я чистъ передъ судомъ моей совѣсти, а это для меня самое важное. И если бы во мнѣ хоть на минуту зародились сомнѣнія, не поступили ли мы слишкомъ опрометчиво, необдуманно, то факты по-

слѣдняго времени разсѣяли бы ихъ безъ слѣда: потрясающая драма на паузкахъ, закончившаяся кровавымъ финаломъ у Нохтуйска, причемъ былъ убитъ нашъ товарищъ Шацъ и раненъ застрѣлившій конвойнаго офицера товарищъ Минскій; другая, менѣе извѣстная драма, выразившаяся въ звѣрскомъ избіеніи цѣлой колоніи политическихъ ссыльныхъ въ Мартыновскомъ Иркутской губ., все это внушаетъ мнѣ еще большую увѣренность, что протестъ былъ важенъ и нуженъ. Болѣе того: я глубоко убѣжденъ, что нашъ протестъ былъ только началомъ, что будущее ссылки чревато цѣлымъ рядомъ драматическихъ столкновеній, — и единственнымъ виновникомъ явятся, какъ и въ нашемъ дѣлѣ, авторы и исполнители новаго курса. Они, а не мы, должны были бы фигурировать здѣсь, на скамьяхъ подсудимыхъ.

Рѣчь д-ра Розенталя.

Я хочу изложить суду тѣ ближайшія причины и мотивы, которыя побудили меня 18 февраля, на ряду съ сидящими здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ товарищами и покойнымъ Матлаховымъ, подписаться подъ заявленіемъ, поданнымъ губернатору Чаплину, и, въ ожиданіи выполненія предъявленныхъ нами требованій, запереться и забаррикадироваться въ домѣ Романова.

17 іюля прошлаго (1903) года, мы, въ числѣ 14 ти человѣкъ, поѣхали въ Восточную Сибирь. Процедура отъѣзда доставляетъ вообще не мало ненужныхъ, непріятныхъ минутъ заключеннымъ. Во-первыхъ, о времени отъѣзда почему то объявляютъ лишь наканунѣ, нерѣдко за нѣсколько лишь часовъ передъ отходомъ партіи. Иногда уѣзжающій только тогда узнаетъ, что его высылаютъ въ „Восточную" Сибирь. Приготовиться въ путь, обзавестись деньгами, теплой одеждой иногда нѣтъ никакой возможности. Проститься съ родными опять таки не удается. Къ тому же, тюремные смотрители въ провинціальныхъ тюрьмахъ не знаютъ или дѣлаютъ видъ, что не знаютъ о предоставленномъ ссыльному правѣ брать съ собой 5 пудовъ багажа. Нѣкоторые разрѣшаютъ забирать только 30 фунтовъ, а другіе ставятъ даже и тутъ затрудненіе. Вслѣдствіе этого, огромное большинство ссыльныхъ оказывается въ пути въ безпомощномъ положеніи. Они спасаются только посильною товарищеской поддержкой. Мы тоже о днѣ отъѣзда узнали лишь наканунѣ, видѣться ни съ кѣмъ не удалось, сдать ненужныя для насъ въ Сибири вещи и пріобрѣсти необходимыя оказалось, благодаря этому, невозможнымъ. Мы ѣхали на Востокъ и все удалялись отъ родныхъ мѣстъ. Мы хотѣли писать о дорогѣ домой, чтобы тамъ знали о нашемъ выѣздѣ и не безпокоились вслѣдствіе внезапнаго перерыва въ корреспонденціи, но оказалось, что письма наши должны проходить черезъ какое-нибудь жандармское управленіе, т. е. доходить съ огромнымъ опозданіемъ.

Были у насъ неоднократныя пререканія съ конвоемъ по вопросу о свиданіи въ пути съ родственниками и ссыльными, но, вообще, дорога прошла для насъ сравнительно благополучно. Было тогда переходное время. Ссылка переживала переломъ. Въ Петербургѣ рѣшено было ее подтянуть, и для этой цѣли былъ обновленъ повсюду составъ администраціи. Новый режимъ раньше всего отразился естественно въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, но съ изумительной быстротой онъ перекинулся и въ отдаленную Якутскую область, гдѣ нельзя было найти ни единаго основанія для измѣненія режима. Нашей

партіи посчастливилось попасть въ Якутскъ въ послѣднія минуты стараго курса, олицетворявшагося въ прежнемъ губернаторѣ — Скрипицынѣ. Поэтому назначенія получили мы не слишкомъ далекія. Мнѣ съ женой назначили для жительства „скопческое“ селеніе въ 15-ти верстахъ отъ города.

Однако, сейчасъ же начались для ссылки новые дни, дни произвола и репрессій. Уже черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ, намъ всѣмъ прочитали два новѣйшихъ циркуляра Иркутскаго генералъ-губернатора, въ которыхъ, подъ угрозой ссылки въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области, запрещалось самовольно отлучаться изъ назначенныхъ для жительства мѣстъ и выходить для встрѣчи пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ партій. Двѣ послѣднія партіи — лѣта прошлаго года — подверглись вліянію новаго режима. По дорогѣ онѣ имѣли безчисленныя столкновенія съ конвоемъ, изъ-за свиданій съ политическими ссыльными тѣхъ населенныхъ мѣстъ, черезъ которыя они проѣзжали. Свиданій не давали, мѣстныхъ политиковъ гнали прикладами, сажали подъ арестъ и противъ нихъ возбуждали дѣла о сопротивленіи властямъ, въ результатѣ чего многіе изъ нихъ, безъ суда и разслѣдованія, были переведены въ Якутскую область. Партію силой заставляютъ ѣхать дальше, одну изъ нихъ жестоко избили въ Усть-Кутѣ и въ сорокаградусный морозъ везли связанными. Вообще, не было партіи, въ которой бы не было инцидентовъ по дорогѣ. Большинство пріѣзжали больными, нѣкоторые съ отмороженными членами, а одинъ изъ нихъ, кавказецъ Хомерики, заболѣлъ оспою и умеръ въ Якутскѣ сейчасъ же по пріѣздѣ.

Во исполненіе новыхъ циркуляровъ, якутская администрація рѣшила всѣ вновь прибывающія партіи задерживать въ тюрьмѣ, въ городъ не выпускать и прямо изъ тюрьмы разсылать по улусамъ. Всякій, кто знаетъ, какъ продолжителенъ, труденъ, опасенъ путь въ Верхоянскъ, Колымскъ, каковы условія жизни въ улусѣ, гдѣ нельзя рѣшительно ничего достать изъ платья, утвари, провизіи, легко пойметъ, какъ безсмысленно-жестоко было это рѣшеніе администраціи. Всѣ приговленія для этой, ничѣмъ не оправдываемой, мѣры были уже сдѣланы, въ тюрьмѣ были очищены мѣста, и если этотъ планъ совершенно не удался, то исключительно потому, что онъ сразу наткнулся на рѣшительное сопротивленіе первой же партіи.

Всѣ партіи, проходившія при новомъ губернаторѣ, получали суровыя назначенія. Исходящія изъ Иркутска назначенія въ Верхоянскій и Колымскій округа приводились въ исполненіе безжалостно, безъ малѣйшаго вниманія къ болѣзненному состоянію. Въ эти далекія, суровыя мѣста, въ которыхъ могутъ жить люди съ крѣпкимъ организмомъ, посылались завѣдомо больные люди, какъ Комай, Карегулянцъ, Гурари, Будиловичъ и сидящіе тутъ на скамьѣ подсудимыхъ, не успѣвшіе выѣхать Гобронидзе, Центерадзе, Доброженидзе, Израильсонъ, для которыхъ это безусловная смерть. Не напрасно колымскіе товарищи, въ своемъ апрѣльскомъ заявленіи губернатору и Министру Внутреннихъ Дѣлъ, требуютъ, чтобы къ нимъ не присылали больныхъ людей. Принимать такихъ товарищей только для того,

чтобы черезъ какія нибудь 2 мѣсяца ихъ хоронить, какъ это пришлось имъ сдѣлать съ Комаемъ,—слишкомъ тяжелая участь.

По исполненіе тѣхъ же пресловутыхъ циркуляровъ перестали совершенно вновь селить кого-либо въ самомъ городѣ Якутскѣ. Якутскъ, этотъ маленькій городокъ съ 8-ю тысячами жителей, гдѣ множество насущнѣйшихъ потребностей не находятъ удовлетворенія изъ за недостатка обученныхъ силъ и многихъ профессій, сдѣлался какимъ-то святая святыхъ, гдѣ пребываніе и даже кратковременный пріѣздъ ссыльныхъ были запрещены, подъ угрозой ссылки въ Колымскъ. Даже лицамъ, приходящимъ въ Якутскъ съ готовымъ назначеніемъ въ сѣверные округа и принужденнымъ нѣкоторое время задержаться въ ожиданіи, пока придетъ ихъ очередь для отправленія въ дальнѣйшій путь, даже имъ не даютъ одного лишняго дня пробыть въ Якутскѣ и ихъ высылаютъ въ какой-нибудь улусъ. Надо готовиться въ далекій трудный путь, а ихъ гонятъ въ улусы, гдѣ они ничего не могутъ достать. Осенью, вскорѣ послѣ моего пріѣзда сюда, съ ближайшей партіей пріѣхалъ Левинсонъ. Это была уже жертва новаго режима, такъ какъ онъ за какой-то проступокъ переводился изъ Верхоленска въ Верхоянскъ. Ему надо было пробыть въ Якутскѣ, въ ожиданіи зимняго пути, съ мѣсяцъ. Его водворили въ селеніе Марха въ восьми верстахъ отъ города. Сидѣть ему тамъ, когда приходится совершать такъ много закупокъ и приготовленій, было бы совсѣмъ неразумно, и онъ нѣсколько разъ отлучался въ городъ. И вотъ за это Левинсонъ, уже пріѣхавшій и устроившійся кое-какъ въ Верхоянскѣ, получаетъ тоже переназначеніе въ Колымскъ, за самовольныя отлучки! Надо полагать, что въ Колымскѣ его уже оставятъ въ покоѣ, такъ какъ дальше ѣхать некуда. Та же самая исторія была съ Комаемъ. И его гнали изъ города въ Марху, а онъ упорно возвращался назадъ, и если надъ нимъ не разразилась гроза, то пототму, что онъ уже все равно имѣлъ назначеніе въ Колымскъ, а, кромѣ того, онъ успѣлъ уже умереть.

Не только перестали оставлять въ Якутскѣ изъ вновь пріѣхавшихъ партій, но стали гнать оттуда всѣхъ тѣхъ, которые жили тамъ съ прежняго времени, съ оффиціальнаго или неоффиціальнаго согласія администраціи. Всѣ эти люди работали, кто въ мастерскихъ, кто въ монополіи, кто въ фотографіи, были на своихъ мѣстахъ незамѣнимы, но, нужды нѣтъ, иркутскіе циркуляры сильнѣе потребности самаго города, имѣютъ большій вѣсъ, чѣмъ жалобы и ходатайства мѣстныхъ обывателей, и такое же изгнаніе повторялось во всѣхъ городахъ и городскихъ поселеніяхъ Енисейской и Иркутской губерній. Балаганскъ, Верхоленскъ, Киренскъ и т. п. городки превращаются въ заповѣдныя мѣста, куда не можетъ ступить нога политическаго ссыльнаго. Для ссылки создается своеобразная черта осѣдлости, тѣмъ отличающаяся отъ подлинной черты осѣдлости, что въ послѣдней дозволяется жить только въ городскихъ поселеніяхъ, здѣь же какъ разъ наоборотъ: ссыльнымъ предоставляется жить въ глухихъ наслегахъ, среди болотъ и тайги, среди инородческаго населенія.

При назначеніи ссыльному мѣста жительства, въ выборѣ

для него того или иного наслега, господствуетъ полнѣйшая случайность. Не считаются ни съ желаніями, ни съ профессіями, ни съ наличностью медицинской помощи, ни даже съ тѣмъ элементарнымъ соображеніемъ, годится ли мѣсто для жилья, есть ли тамъ свободная квартира и т. п. Администрація ограничивается лишь тѣмъ, что посылаетъ въ управы распоряженія заготовить въ опредѣленныхъ наслегахъ квартиру для ссыльныхъ. Распоряженія же раздавались родовымъ старшинамъ и выполнялись они самымъ формальнымъ образомъ. Разыскивали какую-нибудь заброшенную, нежилую юрту, мрачную, сырую и промерзлую, и заявляли, что квартира есть. Новичекъ доставляется на мѣсто, приходитъ, разумѣется, въ отчаяніе отъ предлагаемой ему берлоги и попадаетъ въ самое безвыходное положеніе. Выбирать приходится между этимъ жилищемъ и улицей. Тщетно поѣдетъ онъ въ Якутскъ излагать свое горе передъ администраціей. Во 1-ыхъ, ему пригрозятъ Колымскомъ за самовольную отлучку, во 2-хъ, ему разъяснятъ, что изъ отношенія засѣдателя за такимъ-то номеромъ усматривается, что въ такомъ то наслегѣ квартира имѣется. Доставать же для политическихъ ссыльныхъ хоромы и дворцы администрація совершенно не обязана. Если въ данномъ селеніи имѣются политическіе ссыльные, то обыкновенно дѣло кончается тѣмъ, что новоселъ остается у своихъ товарищей, остается противъ воли, потому что возрастающая тѣснота и неудобства, конечно, для всѣхъ тягостны.

Квартиры, само собою разумѣется, не уступаютъ безплатно. Благодаря ихъ недостатку и интенсивности спроса, квартирная плата непомѣрно подымается. За квартиру, которая раньше шла за рубль въ мѣсяцъ, берутъ 4, 5 и 10 руб., и сводить концы съ концами, при отсутствіи заработковъ, становится совсѣмъ невозможнымъ.

Разъ поселенный на мѣстѣ водворенія, ссыльный теряетъ всякую надежду перебраться въ другое мѣсто. За все полуголіе, истекшее со времени пріѣзда губернатора М. Булатова до нашего забаррикадированія въ домѣ Романова, ни одно ходатайство ссыльнаго, ни устное, ни письменное, не было, насколько мнѣ извѣстно, уважено. Устныхъ ходатайствъ улусниковъ, вообще, и не должно было быть, потому что для этого надо явиться въ городъ. Явиться безъ разрѣшенія — преступленіе; получить же разрѣшеніе для этой цѣли никогда бы не удалось. Мою жену сейчасъ же по нашемъ пріѣздѣ въ Якутскъ осадило множество больныхъ зубами, такъ какъ единственный зубной врачъ Якутска (изъ политическихъ) былъ тогда боленъ. Однако, леченіе было прервано необходимостью выѣхать на мѣсто нашего назначенія. Отлучившись въ городъ, она пошла къ губернатору за разрѣшеніемъ пробыть нѣкоторое время въ городѣ, покуда она не кончитъ начатыхъ зубныхъ операцій. Губернаторъ нашелъ это вполнѣ возможнымъ и обѣщалъ дать черезъ нѣсколько дней отвѣтъ. Этимъ отвѣтомъ оказался строжайшій официальный запросъ у исправника, на какомъ основаніи Анна Розенталь была у него съ личнымъ ходатайствомъ, когда она должна безотлучно находиться въ селѣ Ново-Николаевскѣ. Письменное же прошеніе, имѣя точно такіе же результаты въ смыслѣ успѣш-

ности, отличалось только тѣмъ, что отвѣтъ получался черезъ большіе промежутки времени. На мое прошеніе разрѣшить мнѣ *дріѣхать* разъ въ недѣлю для работы въ мѣстной лечебницѣ Краснаго Креста, отвѣтъ пришелъ только черезъ $2^1/_2$ мѣсяца и, конечно, отрицательный, съ необыкновенно странной мотивировкой. Политическій ссыльный Сикорскій, по профессіи плотникъ, посланъ былъ въ Бѣлгородцы, въ восьми верстахъ отъ города. Онъ просилъ лично у губернатора Булатова перевода въ село Павловское, такъ какъ тамъ онъ разсчитывалъ найти работу по плотничьей части. Село Павловское отстоитъ въ 187 верстахъ отъ города, слѣдовательно, дальше прежняго мѣстожительства и мотивовъ для отказа не было никакихъ. Но отвѣтъ губернатора былъ такой: „А не хотите ли вы, быть можетъ, въ Петербургъ?“ При этомъ губернаторъ повернулся спиной къ просителю и ушелъ. Такого рода отвѣты отняли у политиковъ охоту обращаться за чѣмъ либо къ губернатору и отняли всякую надежду на перемѣну своего мѣстожительства у тѣхъ, которые были, по тѣмъ или инымъ причинамъ, имъ недовольны. Мы дѣлались прикрѣпленными къ землѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Если кто либо мечталъ поселиться съ дорогимъ человѣкомъ, если кто желалъ измѣненія мѣста жительства, избавленія отъ тягостнаго сосѣдства непріятнаго элемента, то на такое перемѣщеніе не было никакой надежды.

Сдѣлавъ насъ прикрѣпленными, постарались лишить насъ права передвиженія. Мы оказались несравненно безправнѣе, чѣмъ лишенные всѣхъ правъ уголовные поселенцы. Намъ были строжайше запрещены *самовольныя* отлучки. Это предполагало возможность отлучекъ *съ разрѣшенія начальства*. И, дѣйствительно, въ началѣ дѣло обстояло еще довольно сносно. Я вручалъ сельскому старшинѣ прошеніе на имя исправника о разрѣшеніи пріѣхать на такое то число въ городъ. Обыкновенно черезъ недѣлю или двѣ получался утвердительный отвѣтъ. Но скоро оказалось, что это лишь переходная мѣра; быть можетъ, все объясненіе такого сравнительнаго благополучія заключалось въ томъ, что постъ исправника не былъ обновленъ, что еще не всѣ винты и винтики стараго курса были замѣнены новыми. Въ началѣ февраля политическій ссыльный *Денисовъ* черезъ три недѣли послѣ подачи исправнику прошенія о разрѣшеніи однодневной отлучки въ городъ, получилъ отвѣтъ, что отнынѣ за разрѣшеніемъ объ отлучкахъ надо обращатся *къ губернатору*, и что такіе поводы, какъ *необходимость закупокъ* и *полученіе задержаннаго пособія*, не признаются уважительными. Кольцо, давящее ссыльныхъ, окончательно замкнулось. Обращаться на имя генералъ-губернатора, это значило: отвѣта придется ждать мѣсяцами, а сдѣланныя ограниченія въ „смыслѣ“ того, что считается уважительной причиной, ясно свидѣтельствовали, что только въ крайне рѣдкомъ случаѣ удастся получить разрѣшеніе на отлучку. Единственной уважительной причиной, которую, повидимому, склонно было признавать начальство, была *серьезная опасная болѣзнь*. Но даже въ этихъ безотлагательныхъ случаяхъ слѣдовало раздобыть фельдшера или врача — предпріятіе почти невыполнимое въ большинствѣ

случаевъ, — заручиться отъ нихъ свидѣтельствомъ о необходимости больному ѣхать въ городъ или на врачебный пунктъ, и послать полученное удостовѣреніе губернатору; тотъ сдѣлаетъ, по всѣмъ правиламъ канцелярской волокиты, запросъ у врачебнаго инспектора и, лишь послѣ этого, можно будетъ разсчитывать получить отвѣтъ: положительный или отрицательный. Онъ, все равно, пришелъ бы слишкомъ поздно: умеръ бы уже больной или выздоровѣлъ.

Вообще, безпомощнѣе положенія политическихъ ссыльныхъ, въ случаѣ болѣзни, трудно что-нибудь придумать. Нигдѣ въ предѣлахъ Россійской Имперіи медицинская часть не поставлена такъ скверно, какъ въ Якутской области, нигдѣ нѣтъ такихъ огромныхъ разстояній между врачебными или фельдшерскими пунктами, такого *безнадежнаго недостатка лекарствъ*, такого бездорожья и такихъ трескучихъ морозовъ. И въ такой-то области, гдѣ врачи и фельдшера не имѣютъ возможности ѣздить по вызову больныхъ, прикрѣпляютъ неподвижно къ глухому наслегу людей культурныхъ, не возлагающихъ, подобно окружающему якутскому населенію своихъ надеждъ *на шамановъ*.

Помимо серіозной болѣзни, врядъ-ли отыщется хотя бы одна причина, которая показалась бы начальству уважительной. Въ Якутскъ прибыла въ одной изъ партій двоюродная сестра подсудимаго Каммермахера—политическая ссыльная Раиса Іоффе и получила назначеніе въ Намскій улусъ. Каммермахеръ, не видѣвшій своей родственницы съ незапамятныхъ временъ, посылаетъ немедленно изъ Амги прошеніе о разрѣшеніи пріѣхать въ городъ для свиданія съ двоюродной сестрой прежде, чѣмъ она поѣдетъ на мѣсто назначенія. Прождавъ цѣлый мѣсяцъ, онъ получаетъ, наконецъ, отъ исправника отвѣтъ, что, такъ какъ его сестра успѣла уже уѣхать въ Намскій улусъ, то въ просимомъ разрѣшеніи на поѣздку въ городъ, надобности уже не имѣется. Я знаю случай, когда приходилось ножницами выковыривать себѣ зубъ, когда люди голодали мѣсяцами, какъ потому, что пособіе не доставлялось аккуратно, а ѣхать за полученіемъ его возбраняется, такъ и потому, что выходила провизія, а ѣхать за пріобрѣтеніемъ новой опять таки нельзя. Чтобы сдѣлать отлучки окончательно невозможными, распорядились оповѣстить якутовъ, чтобы они никоимъ образомъ, подъ страхомъ наказанія, не давали политическимъ ссыльнымъ коней, если они не представятъ при этомъ письменнаго разрѣшенія на поѣздку.

Понять смыслъ такихъ ограниченій элементарныхъ человѣческихъ правъ невозможно. Должно ли это пресѣчь возможность побѣговъ? Но никакія запрещенія отлучекъ не помѣшаютъ *скрыться* человѣку, который хочетъ бѣжать. И если изъ Якутской области такъ рѣдки случаи удачныхъ побѣговъ, то исключительно благодаря географическимъ условіямъ страны. Эти огромныя разстоянія, эта дороговизна переѣздовъ, дѣлаютъ совершенно нелѣпыми всѣ запрещенія отлучекъ, которыя, сами по себѣ, ничему помѣшать не могутъ. Запретить всѣмъ отлучки на томъ основаніи, что изъ Якутской области за много лѣтъ было ничтожное количество удачныхъ побѣговъ, это все равно, что запретить свободное движеніе по улицѣ изъ-за того, что

иногда происходятъ несчастные случаи отъ неосторожной ѣзды. Къ тому же, у ссыльныхъ слишкомъ скудныя средства, чтобы позволять себѣ дорого стоящіе разъѣзды безъ крайней необходимости. Примитивной логики достаточно, чтобы понять, что, если между близкими пунктами переѣзды стоятъ дешевле и возможны чаще, то каждая отлучка длится день—два и легко поддается учету. Между дальними же мѣстами переѣзды могутъ быть только рѣдкими, стало-быть, опять легко контролируемыми.

Получается такое впечатлѣніе, что всѣ эти циркуляры объ отлучкахъ нужны только для того, чтобы отравить существованіе ссыльнаго, чтобы сдѣлать его жизнь невыносимой.

Внѣ *общенія* между собой нѣтъ жизни, и вотъ ссыльныхъ ставятъ въ такое положеніе, чтобы они не могли встрѣчаться другъ съ другомъ. О, если бы можно было разселить въ одиночку, на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, вдали отъ всѣхъ проѣзжихъ дорогъ и трактовъ! Къ сожалѣнію, этотъ планъ не осуществимъ во всемъ объемѣ. Для этого *слишкомъ ужъ много ссыльныхъ*, населенныхъ мѣстъ *слишкомъ мало*, а осуществленіе надзора было бы слишкомъ затруднительно. Но недостатки природы стараются исправить энергичными циркулярами, отнимающими свободу *выбора* мѣстожительства, *перемѣны* его и *отлучекъ* изъ него, и даже свободу *пойти навѣстить* проѣзжающихъ *товарищей*.

Мириться съ этимъ ссыльные никоимъ образомъ не могутъ. Помимо унизительности такого состоянія, помимо того, что ихъ человѣческое достоинство страдаетъ на каждомъ шагу,—жизнь теряетъ для нихъ всякую цѣнность. Жить здѣсь въ ссылкѣ означаетъ для нихъ, *помимо взаимнаго общенія*, еще работать и учиться. Но работать можно только тамъ, гдѣ есть условія, потребныя для работы, учиться же невозможно безъ правильнаго притока и обмѣна книгъ, журналовъ и газетъ. Но ничего этого не можетъ быть и слѣда при новомъ режимѣ. Ссыльные не должны, оказывается, имѣть сношеній съ *обывателями*. Насъ стараются селить среди якутовъ, которымъ внушается, чтобы они глядѣли за нами въ оба, что они отвѣчаютъ за наше поведеніе, за наши отлучки. Въ окружающемъ населеніи ссыльные имѣютъ, такимъ образомъ, только недовѣрчивыхъ, подозрительныхъ шпіоновъ, слѣдящихъ за каждымъ ихъ шагомъ. То же самое происходитъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе не инородческое. Въ Енисейской и Иркутской губ. были многократные случаи доносовъ на обывателей за то, что они общаются съ политиками. Здѣсь, въ Мархѣ, съ товарищемъ Костюшко былъ, напримѣръ, такой случай: привезъ ему сосѣдъ прошлой зимой возъ льду и зашелъ къ нему въ избу, чтобы нагрѣться и получить деньги. Какъ разъ въ это время подъѣхалъ урядникъ и привезъ пособіе. Встрѣтившись немного спустя съ этимъ сосѣдомъ, урядникъ сурово его спрашиваетъ: „Ты зачѣмъ ходишь къ государственному?“—тотъ объяснилъ причину своего посѣщенія.—„Смотри ты у меня!“—На-дняхъ лишь получилъ я отъ товарища своего изъ с. Осинскаго Иркутской губ., письмо отъ 29/VI, прошедшее, какъ и вся наша корреспонденція, черезъ руки прокурорскаго надзора. Пишетъ мнѣ мой

товарищъ *Мунесъ*, что только что избавился отъ великой опасности. Двѣ недѣли передъ тѣмъ, урядникъ послалъ на него доносъ исправнику и приставу; доносилъ онъ, что между нимъ, Мунвесомъ, и проживающимъ въ с. Осѣ волостнымъ писаремъ Сѣрковымъ существуютъ какія то тайныя сношенія, что они собираются по ночамъ и что-то пишутъ, дѣлаютъ тайныя собранія, возмущаютъ крестьянъ и т. д. Не миновать бы моему товарищу ссылки въ Верхоянскъ или Колымскъ, подобно всѣмъ прежнимъ членамъ осинской колоніи, съ соотвѣтственной надбавкой срока, но выручило его то, что вопросъ затрагивалъ кромѣ ссыльнаго не простого обывателя, а волостного писаря. Заинтересованное лицо узнало про доносъ. Пошли разспросы, разъясненія, пока не обнаружилась вздорность этого обвиненія. Тутъ былъ просто счастливый случай. Вообще же, расправа производилась по одному лишь донесенію низшихъ чиновъ полиціи, безъ всякаго разбора и слѣдствія.

Слѣдятъ за ссыльными урядники и засѣдатели, слѣдитъ все населеніе со своими старшинами во главѣ, слѣдятъ и спеціально приставленные шпіоны, называемые надзирателями. Это зло здѣсь, въ Якутской области, не успѣло распуститься такимъ пышнымъ цвѣткомъ, какъ въ Иркутской и Енисейской губ. Тамъ надзиратели неотступно слѣдятъ по пятамъ, назойливо лѣзутъ въ квартиры политиковъ по нѣскольку разъ въ день, а когда тѣ, выведенные изъ терпѣнія, указываютъ имъ на дверь, надзиратели впадаютъ въ амбицію, пишутъ донесенія о сопротивленіи властямъ, въ результатѣ чего преступники безъ разбирательства, безъ истребованія объясненій съ ихъ стороны, пересылаются въ Колымскъ. Типичными жертвами этого назойливаго слѣженія являются сидящіе здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, бывшіе жители села Осинскаго—Вардаянцъ, Гельфандъ, Израильсонъ.

Не только нашъ домашній очагъ, не только каждый нашъ шагъ на улицѣ, но и вся наша переписка превращена въ достояніе полицейскихъ служителей и сельскихъ властей.

Наша корреспонденція распечатывается, и въ такомъ раскрытомъ, доступномъ для всѣхъ видѣ, шествуетъ черезъ руки исправниковъ, старостъ, писарей. Если вспомнить, какъ долго идетъ почта въ эти далекія мѣста, сколько затѣмъ нужно времени, чтобы изъ ближайшаго почтоваго пункта доставить письмо съ какой нибудь оказіей въ отдаленный, глухой поселокъ, если представить себѣ при этомъ, что распечатанное письмо отъ жены, невѣсты, родителей, путешествуетъ по карманамъ многочисленныхъ посредствующихъ звеньевъ, подолгу въ нихъ залеживаясь, и что такое положеніе должно продолжаться многіе годы, то легко понять, сколько горечи и злобы должно накопиться въ душѣ ссыльнаго. Большое количество писемъ при этомъ пропадаетъ; нити, связывающія ссыльныхъ съ внѣшнимъ міромъ, становятся все тоньше и тоньше и, наконецъ, обрываются. Тяжелое чувство заброшенности, одиночества еще болѣе обостряется. Въ Якутской области контроль за перепиской фактически сталъ примѣняться съ марта сего года, т. е. послѣ забаррикадированія въ д. Романова. Но въ Енисейской

и Иркутской губерніяхъ онъ осуществлялся значительно раньше и на этотъ счетъ имѣлись вполнѣ опредѣленные и категорическіе Кутайсовскіе циркуляры.

Единственная „милость“, которую оказываетъ правительство ссыльнымъ, заключается въ томъ, что, лишая ихъ способовъ зарабатывать на жизнь, оно выдаетъ имъ взамѣнъ ежемѣсячное пособіе. Но послѣдняго хватаетъ только для того, чтобы жить впроголодь. Особенно скверно обстоитъ дѣло въ Енисейской и Иркутской губ. Пособія тамъ спускаются до 8 руб. въ мѣсяцъ, а для выселенныхъ въ охранномъ порядкѣ до 3 руб. Но, главное, пособіе задерживается тамъ мѣсяцами, а нерѣдко и вовсе не доходитъ, попадая въ чьи то чужіе карманы. Безъ заработковъ и пособія, не имѣя права отлучаться изъ своего селенія, что можетъ сдѣлать горемычный ссыльный? Онъ закладываетъ не рѣдко послѣднее имущество и подолгу голодаетъ. Раньше политическіе, безъ большихъ затрудненій, получали работу въ различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, но новый курсъ и это призналъ недоступнымъ. По крайней мѣрѣ, такіе случаи стали рѣже.

Для многихъ источникомъ существованія или подспорьемъ въ хозяйствѣ является *рыбная ловля* и *охота*, и, по уставу о поднадзорныхъ, это допускается. Ссыльный Василій Ивановъ, рабочій Воткинскихъ заводовъ, поселенный въ сѣверной части Енисейской губ., человѣкъ женатый, съ тремя дѣтьми, только и существовалъ рыбной ловлею и охотой. Но вдругъ къ нему пришли отбирать ружье, и онъ отказался его отдать. За это онъ былъ высланъ въ Якутскую область, со спеціальнымъ предписаніемъ поселить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ссыльныхъ.

Административная ссылка, какъ извѣстно, считается не наказаніемъ, а лишь пребываніемъ подъ гласнымъ надзоромъ. Итакъ, въ какомъ видѣ рисуетъ себѣ жизнь такого поднадзорнаго Иркутскій ген.-губ. гр. Кутайсовъ? Мы въ состояніи уже теперь цѣликомъ представить тотъ идеалъ, который сложился въ умѣ ген.-губ. и который онъ неуклонно стремился осуществить на всемъ пространствѣ обширнаго, ввѣреннаго ему края.

Сидящій въ какой-нибудь изъ тюремъ въ Европейской Россіи, въ ожиданіи приговора или отправки въ Сибирь, долженъ быть извѣщенъ о моментѣ отправки *лишь за нѣсколько* часовъ. Проститься съ родными, обзавестись деньгами, надлежаще приготовиться въ путь, успѣть, конечно, нельзя. По дорогѣ онъ ни съ кѣмъ не долженъ имѣть свиданій; ссыльныхъ попутныхъ поселеній не слѣдуетъ никоимъ образомъ допускать, не останавливаясь ни передъ какими средствами, вплоть до примѣненія огнестрѣльнаго оружія. Пускать кого-нибудь въ село за покупками, хотя бы въ сопровожденіи конвойныхъ, нельзя. Всѣ письма съ пути отправлять въ жандармскія управленія и губернаторскія канцеляріи. Заботы объ ѣдущихъ должны ограничиться выдачей казенныхъ полушубковъ и кормовыхъ. Какъ доставать себѣ пищу, какъ защищаться отъ лютаго холода — не дѣло конвоя. По пути заболѣвшихъ отнюдь не оставлять, кромѣ случая, гдѣ грозитъ неминуемая смерть. За всякое сопротивленіе въ пути — примѣнять военную силу. По пріѣздѣ

въ Якутскъ, партія должна быть взята въ тюрьму и оттуда разсылаться по улусамъ. Никакія заявленія, ходатайства не должны приниматься во вниманіе. Въ самомъ Якутскѣ никого не оставлять. Селить среди якутовъ по глухимъ наслегамъ, по возможности, въ одиночку. На мѣсто ѣхать *немедленно*. Тамъ жить *неотлучно*. За каждымъ шагомъ ссыльнаго учредить строгій надзоръ. На его квартиру навѣдываться нѣсколько разъ въ день, отписывать, чѣмъ онъ занимается, съ кѣмъ видится, о чемъ разговариваетъ. Всѣ письма его, какъ получаемыя, такъ и отправляемыя, вскрывать и читать. Въ случаѣ нарушеній правилъ надзора, ссылать въ Верхоянскъ и Колымскъ, а съ послѣдняго времени, въ Булунъ.

По окончаніи назначеннаго ссыльному срока, отъ усмотрѣнія Мин. Вн. Д. зависитъ разрѣшить ему ѣхать домой или надбавить 2, 3 или 5 лѣтъ. Но и въ этомъ случаѣ, если онъ отпускается на родину, ему предоставляется *совершить обратный путь, какъ знаетъ, на свой собственный счетъ*.

Таковы идеалы новаго курса. Таковы его *тенденціи*, которыя, проявившись прежде всего въ Енисейской и Иркутской губерніи, съ изумительной быстротой перекинулись въ Якутскую область и стали здѣсь развертываться. Губернаторъ Булатовъ за все время пребыванія въ Якутскѣ съ осени прошлаго года по февраль 1904 года проводилъ ихъ въ жизнь съ такой неуклонностью и энергіей, что протестъ противъ нихъ былъ неизбѣженъ.

Были такія мѣропріятія новаго курса, которыя, по своей жестокости и прямо безсмысленности, сразу же вызывали отпоръ и отмѣнялись. Такимъ мертворожденнымъ нововведеніемъ оказалась, напримѣръ, попытка запереть прибывшую первую зимнюю партію въ тюрьму и неоднократныя попытки лишить кончившихъ срокъ возможности вернуться на казенный счетъ. Если ни Бѣловъ, ни Долининъ, ни Бѣлецкій, ни Рульковскій, не застряли навсегда въ Якутской области, то *меньше всего* мы обязаны этимъ результатомъ *добрымъ намѣреніямъ администраціи*.

Если не всѣ въ ссылкѣ одинаково чувствовали весь ужасъ, всю унизительность создавшагося положенія, то главная причина заключается въ томъ, что не всѣ новые циркуляры примѣнялись повсюду одинаково строго, что персоналъ исполнителей грубыхъ, неразсуждающихъ, какой теперь требовался, еще не всегда была на лицо. То здѣсь, то тамъ, то въ одной сторонѣ, то въ другой, дѣлались поблажки, отступленія. Но всѣ эти остатки прежняго режима таяли на нашихъ глазахъ, и не подлежало сомнѣнію, что Якутск. Обл., лишенная всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя имѣютъ Енис. и Иркутск. губ. въ силу географическаго своего расположенія, въ самомъ непродолжительномъ времени воспримѣтъ въ совершенствѣ всѣ многообразныя стороны кутайсовскаго режима, которыя уже прочно гнѣздились въ вышеупомянутыхъ, болѣе близкихъ, губерніяхъ.

Что циркуляры генералъ-губернатора создавали жизнь невыносимую — скоро показали многочисленныя ихъ нарушенія. Но скоро за то обнаружилось и то обстоятельство что заключавшіяся въ нихъ угрозы были совсѣмъ нешуточныя. Цѣлыя колоніи ссыльныхъ Енис. и Иркутск. губ. были раскассированы

и потянулись въ Якутск. обл. съ назначеніями въ Верхоянскій и Колымскій округа и съ различными надбавками въ срокѣ. Такая печальная участь постигла, напр., селенія: Знаменка, Осинское, Усть-Кутъ, Верхоленскъ и т. п. Въ каждой, вновь прибывшей партіи, начиная съ послѣднихъ осеннихъ партій прошлаго года, имѣлось по нѣсколько такихъ невольныхъ переселенцевъ. Представить здѣсь сколько нибудь полный списокъ ихъ нѣтъ ни малѣйшей возможности. Пришлось бы назвать, по меньшей мѣрѣ, отъ 30 до 50 именъ. Шли за отлучки, за стычки со шпіонами, за желаніе видѣться съ проѣзжающими товарищами, а очень часто причина оставалась неизвѣстной.

Совершенно справедливо, что самоубійства и психическія заболѣванія служатъ показателями ненормальности данныхъ условій существованія. Самоубійства случались и раньше въ Якутской области, но происходили они лишь спорадически: Гуковскій въ 1897 г., Калашниковъ въ 1900 г., Швецовъ и Яновичъ въ 1902 году, Мартыновъ въ 1903 году — всѣ эти трагическія исторіи, въ свое время, производили тяжелое впечатлѣніе, но все же онѣ были рѣдкимъ явленіемъ — 5 случаевъ за 7 лѣтъ. Но вотъ съ осени 1903 года началъ осуществляться въ Якутской области новый режимъ, достигшій maximum'а своего развитія въ февралѣ этого года, т. е. въ моментъ нашего забаррикадированія, — и что мы видимъ въ результатѣ?

15 марта этого года покончилъ съ собой въ Колымскѣ *Комай*. Я зналъ его, такъ какъ, по пути сюда, я въ августѣ прошлаго года нагналъ и остановилъ его въ Александровской пересыльной тюрьмѣ. Этотъ славный, глубоко симпатичный товарищъ пробылъ 2½ года въ заключеніи — часть времени въ Петропавловской крѣпости, а остальную часть — въ психіатрической лечебницѣ св. Николая. Онъ шелъ съ приговоромъ въ 8 лѣтъ, и въ Якутскѣ ему объявили мѣсто назначенія Колымскъ. Онъ былъ психически неуравновѣшенный человѣкъ, склонный къ рецидивамъ, къ тому же страдалъ хроническимъ катарромъ бронховъ и зачатками туберкулеза, и Колымскъ былъ для него несомнѣнно гибельнымъ мѣстомъ поселенія. Я помню, какъ въ Александровской пересыльной тюрьмѣ, передъ моимъ отъѣздомъ, прощаясь со мной, онъ выражалъ свое удивленіе, что относительно него такъ долго не приходитъ распоряженія изъ Иркутска; я его успокаивалъ, что это надо понимать въ томъ смыслѣ, что его, больного человѣка, имѣющаго врачебныя удостовѣренія, хотятъ оставить въ Иркутской губ. Я ошибся. Черезъ 10 дней послѣ моего пріѣзда, и его доставили сюда. Въ Якутскѣ онъ тщетно протестовалъ противъ ужаснаго для него назначенія, и жаловался на болѣзненное состояніе. Пришлось ѣхать въ Колымскъ; по дорогѣ онъ сильно зябъ, чуть не замерзъ на лошадяхъ и, добравшись до Колымска, загрустилъ. Въ теченіе одного мѣсяца онъ три раза покушался на самоубійство; два раза его спасли, въ третій не удалось.

Начиная съ Красноярска, вплоть до Якутска, я ѣхалъ въ партіи вмѣстѣ съ Анатоліемъ *Алексенко*, бывшій студ., сыномъ полтавскаго помѣщика, привлеченнымъ по дѣлу крестьянскихъ волненій. Этому хрупкому, болѣзненному юношѣ назначили

административнымъ порядкомъ драконовскій приговоръ — десять лѣтъ Восточной Сибири.

Въ Якутскѣ его ждало назначеніе въ Нижне-Колымскъ. Но мы пріѣхали, какъ я выше упомянулъ, въ послѣдніе дни пребыванія здѣсь губернатора Скрипицына, и Колымскъ былъ ему замѣненъ Амгой. Это, конечно, отсрочило, но не спасло его отъ сумашествія. Онъ покушался на самоубійство въ припадкѣ умопомѣшательства и водворенъ въ мѣстной больницѣ.

5 марта этого года пріѣхалъ сюда студентъ *Крыловъ*. Онъ прибылъ сюда уже съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, вслѣдствіе того, что при арестѣ въ Костромѣ, на демонстраціи, онъ былъ сильно избитъ. Не пробылъ онъ здѣсь и двухъ мѣсяцевъ, какъ, въ *припадкѣ душевной болѣзни*, нанесъ себѣ ножемъ рану въ область сердца, къ счастью, не смертельную, и водворенъ въ Якутской больницѣ.

Одновременно съ нимъ, пріѣхалъ тов. *Курановъ*. Его тоже сильно избили въ Костромѣ. Онъ пріѣхалъ сюда больнымъ. Его, тѣмъ не менѣе, выслали въ I-ый Тылинскій наслегъ за 40-50 верстъ отъ города. Мѣсто глухое, и для жительства мало удобное. Около 15 іюня онъ двинулся въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ у него въ послѣднее время былъ сильный кашель и кровохарканье. По дорогѣ ему пришлось проходить небольшой протокъ... Возможно, что съ нимъ въ то время случился припадокъ, и тутъ застала его смерть. Трупъ его нашли только черезъ 5-6 недѣль.

Утопился въ Ленѣ и *Раковъ*, бывшій студ., несчастный алкоголикъ; доконала его ссылка. Это произошло въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Въ іюнѣ покончилъ собою выстрѣломъ изъ револьвера *Хавскій*, прожившій въ ссылкѣ годъ.

Хомерики доѣхалъ до Якутска только для того, чтобы умереть здѣсь въ больницѣ отъ оспы...

Шацъ убитъ конвойнымъ солдатомъ подъ Нохтуйскомъ по пути въ Якутскъ.

Матлаховъ убитъ въ домѣ Романова на баррикадахъ.

Итого: 3 самоубійства, 2 покушенія на него, 7 смертей и 3 сумашествія. Это за послѣдніе 4 мѣсяца. Не слишкомъ ли это много для Якутска? Какъ ни попытаться индивидуально объяснить каждый изъ этихъ трагическихъ случаевъ, для каждаго должно быть очевидно, что условія жизни, допускающія въ такое короткое время такъ много несчастій, *изъ рукъ вонъ плохи*.

Вотъ эти-то условія, на которыя больные, слабые люди реагируютъ самоубійствами и психозами, вызвали съ нашей стороны, людей менѣе пассивныхъ, желаніе заявить протестъ, чтобы добиться измѣненія режима.

60 человѣкъ рѣшили потребовать отмѣны нѣкоторыхъ наиболѣе нелѣпыхъ распоряженій, притомъ такихъ, уничтоженіе которыхъ нисколько не противорѣчило основной цѣли ссылки въ Сибирь — возможности гласнаго надзора. Это значитъ, что правительство имѣло полную возможность удовлетворить всѣ наши требованія, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы на такой именно исходъ нашего протеста и разсчитывали. Наоборотъ— мы были почти увѣрены, что администрація, не дѣлая никакихъ

уступокъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы сломить насъ, хотя я долженъ признаться, что тотъ неслыханный методъ борьбы, который былъ примѣненъ по отношенію къ намъ, поразилъ своею качественной стороной, даже насъ, людей неизбалованныхъ. Знали мы также, что весь этотъ новый режимъ не есть продуктъ случайности, не вытекаетъ только изъ личныхъ качествъ генералъ-губернатора, а цѣликомъ связанъ съ даннымъ историческимъ моментомъ. И тѣмъ не менѣе, другого метода протеста, другого способа добиться улучшенія режима мы не имѣли. Посылать письменныя жалобы, заявленія, телеграммы — но это дѣлалось неоднократно: бумаги клались подъ сукно и оставались безъ послѣдствій или даже безъ отвѣта. Нарушать циркуляры, дѣлать самовольныя отлучки и т. п. — но за все это ссылали десятками въ Верхоянскій и Колымскій округа, и эти массовыя ссылки безъ разбора и разслѣдованія насъ болѣе всего возмущали.

Оставалось только съѣхаться въ возможно большемъ числѣ въ городъ, послать коллективное заявленіе губернатору и, въ ожиданіи отвѣта, собраться всѣмъ въ одномъ мѣстѣ. А для того, чтобы насъ не могли сразу взять, — запереться и забаррикадироваться.

Вотъ это именно мы и сдѣлали.

Рѣчь Израильсона.

Еще нѣтъ 4-хъ лѣтъ, какъ я живу въ Россіи. Большую и лучшую часть моей жизни, если не считать дѣтства, я провелъ за-границей. По профессіи и образованію — я художникъ. Вернулся я въ Россію уже не юношей и безъ всякаго особеннаго желанія сдѣлаться революціонеромъ. Я-бы, по всей вѣроятности, такъ и остался мирнымъ обывателемъ, если-бы меня не превратили въ революціонера сами господа жандармы. Это случилось во время студенческихъ безпорядковъ въ мартѣ 1902 года. Здѣсь, конечно, не время и не мѣсто говорить о причинахъ этихъ безпорядковъ, въ которыхъ я къ тому же никакого активнаго участія не принималъ, но, какъ и тысячи другихъ лицъ, я не могъ не сочувствовать этой благородной и пылкой молодежи, которую бросали въ тюрьмы, ссылали въ Сибирь, били казацкими нагайками за то, что она такъ или иначе протестовала противъ полицейскаго режима и противъ сословныхъ и расовыхъ ограниченій, введенныхъ въ русскихъ университетахъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей просилъ меня хранить его гектографъ и прокламаціи, печатавшіяся въ то время. Вдругъ, невѣдомо для меня почему, у меня производится обыскъ ночью и находятъ упомянутыя вещи, которыя, не считая ихъ для себя чѣмъ-то запрещеннымъ, я держалъ просто въ комодѣ. Никакихъ уликъ противъ меня въ моемъ активномъ участіи въ безпорядкахъ не найдено и быть не могло, но несмотря на это, меня продержали 8 мѣсяцевъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи, потомъ сослали до приговора въ Саратовъ, а 10 мѣсяцевъ спустя приговорили на 3 года Восточной Сибири. На допросахъ жандармскій ротмистръ, настаивая на выдачѣ имени знакомаго мнѣ студента, не стѣсняясь присутствіемъ товарища прокурора, сказалъ мнѣ: „Противъ васъ уликъ нѣтъ. Назовите намъ лицо, передавшее вамъ прокламаціи и гектографъ, и мы освободимъ васъ“. Я отвѣчалъ, что это нечестно и называется предательствомъ, и отказалъ. Я не буду распространяться о томъ, что мнѣ пришлось видѣть и слышать въ тюрьмѣ; да и нелегко разсказывать всѣ сцены насилія, несправедливостей, оскорбленій, которыя пришлось переживать самому и видѣть совершавшимися надъ болѣе беззащитными и слабыми товарищами по заключенію, когда при этомъ приходится, какъ въ клѣткѣ, ходить по своей камерѣ, безсильнымъ даже хоть словесно выразить свой протестъ. Но истинная пытка для меня началась съ моего пріѣзда въ ссылку (въ д. Оса, Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ.), т. е. съ августа мѣсяца прошлаго года, когда начали входить въ силу секретные и несекретные циркуляры ге-

нералъ-губернатора. Весь этотъ годъ представляется мнѣ какимъ-то страшнымъ, тяжелымъ кошмаромъ, который давитъ и душитъ меня не во снѣ, а на яву, и конца которому не предвидится. Начну съ того, что отсылка и полученіе корреспонденціи нашей были сопряжены всегда почти съ оскорбительными для насъ инцидентами. Мѣстное волостное правленіе, или, вѣрнѣе, писарь, отправлялъ посыльнаго въ Балаганскъ съ почтой, когда ему вздумается, не только не предупреждая никого объ этомъ, но, какъ бы нарочно, стараясь задержать наши письма; при полученіи же писемъ, онъ, не стѣсняясь, задерживалъ нѣкоторыя изъ нихъ по цѣлымъ недѣлямъ, при чемъ, не стѣсняясь, иногда вынималъ такое письмо уже грязное и измятое изъ кармана и, отдавая намъ, говорилъ: „Это для васъ, забылъ, молъ, передать Вамъ!“ Сознаніе, что этотъ грубый, лишенный всякаго чувства деликатности, человѣкъ, читаетъ ваши письма отъ жены, родныхъ и друзей и, быть можетъ, глумится надъ ними, и что вы безсильны помѣшать этому, возмутитъ хоть кого. Затѣмъ, около нашей квартиры постоянно терся какой-то подозрительный субъектъ, приставленный, какъ потомъ оказалось, слѣдить за нами. Этотъ субъектъ никакихъ признаковъ отличія своего званія не носилъ и былъ одѣтъ, какъ и прочіе обыватели деревни, ничѣмъ отъ нихъ не отличаясь. Но, навязчивый, онъ намъ попадался повсюду. Нельзя было ступить буквально шагу, чтобы не встрѣтить его гдѣ нибудь; часто, не стучась и неслышно, онъ заходилъ въ нашу квартиру и, несмотря на наши протесты и жалобы урядніку и становому, которые на нихъ всегда отвѣчали какъ-то уклончиво, мы не могли избавиться отъ нашего назойливаго преслѣдователя. Какъ оказалось потомъ, этотъ субъектъ дѣйствовалъ не по собственному усмотрѣнію, а по приказанію и съ вѣдома своего начальства, и довелъ, наконецъ, свое усердіе до того, что, благодаря ему, насъ сослали въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области за „сопротивленіе властямъ!“

Вотъ какъ это случилось. Однажды утромъ, кажется, въ концѣ сентября, въ ворота (домъ, въ которомъ мы жили, находился во дворѣ) постучался упоминаемый мною субъектъ. На вопросъ, что ему нужно, онъ отвѣтилъ, что пришелъ „провѣрить“ насъ; я ему отвѣтилъ, что мы всѣ дома и, что, если ему интересно убѣдиться въ этомъ, то онъ можетъ подождать на улицѣ, пока мы выйдемъ; къ себѣ же въ квартиру я его пускать не хочу и не обязанъ. Но видя, что онъ настаиваетъ на своемъ и даже лѣзетъ уже черезъ заборъ (калитка была заперта), я заложилъ входную дверь крючкомъ и крикнулъ ему, что онъ не имѣетъ права ломиться къ намъ силой, какъ онъ грозился сдѣлать. Было еще рано. Нѣкоторые товарищи (насъ было 5: находящійся здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ товарищъ Гельфантъ, тов. Цвилингъ съ малолѣтнимъ братомъ, Зинаида Розенштейнъ и я) еще спали. Между тѣмъ, этотъ господинъ, перелѣзши черезъ заборъ, отворилъ ворота и ушелъ, но минутъ черезъ 10 показался снова въ сопровожденіи урядника и цѣлой толпы десятскихъ и сотскихъ. Урядникъ сталъ требовать, чтобы мы впустили „г-на надзирателя“, такъ онъ въ первый разъ вели-

чалъ передъ нами упомянутаго господина. На это мы возразили урядннку, что его, урядника, какъ лицо, намъ извѣстное, мы готовы впустить, но рѣшительно отказываемся пускать къ себѣ столь подозрительнаго господина, и что, если у него есть предписаніе сдѣлать у насъ обыскъ, то пусть онъ покажетъ раньше означенную бумажку. Однако, урядникъ настаивалъ на своемъ и приказалъ мужикамъ взять валявшееся на дворѣ громадное, длинное бревно, намѣреваясь пустить его въ ходъ, какъ таранъ, чтобы сломать дверь. Мы крикнули ему, что онъ поступаетъ незаконно, и что, если онъ вздумаетъ ломать дверь то мы будемъ срѣлять; — я, помнится, былъ въ это время очень нездоровъ, а подъ впечатлѣніемъ происходившей передъ домомъ безобразной сцены, до того взволнованъ и разстроенъ, что совершенно серьезно крикнулъ ему, что въ него я стрѣлять, можетъ быть, не буду, но застрѣлюсь самъ. Не знаю, испугался-ли урядникъ нашей рѣшимости, или по другимъ обстоятельствамъ, но послѣ долгихъ переговоровъ, онъ ушелъ, несмотря на то, что мы нѣсколько разъ повторяли ему, что его, урядника, мы принимать не отказываемся и только требуемъ удаленія шпіона. Въ это время къ намъ пришелъ товарищъ Фишъ, съ тов. Вардоянцемъ съ другой квартиры. Фишъ уряднику никакого сопротивленія не оказывалъ и оказать не могъ, такъ какъ пришелъ уже послѣ окончанія описаннаго инцидента; несмотря, однако, на это, онъ былъ, какъ и мы, обвиненъ въ „сопротивленіи“ и сосланъ съ нами въ Якутскую область. Между тѣмъ, то же начальство неусыпно преслѣдуя и сторожа каждый нашъ шагъ, оставалось совершенно глухо къ нашимъ неоднократнымъ просьбамъ выдать намъ установленное закономъ пособіе, такъ что, истративъ всѣ наши небольшія сбереженія, которыя мы привезли съ собою въ ссылку, мы питались впроголодь, заложивъ мѣстному кулаку, несмотря на наступившій холодный сезонъ, наше теплое платье и часы. Не проходило въ то же время почти недѣли, чтобы до насъ, такъ или иначе, не доходили слухи о совершившихся надъ нашими товарищами насиліяхъ въ другихъ колоніяхъ. Это было какое-то поголовное преслѣдованіе, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, ссылая безъ суда, и слѣдствія, въ Колымскъ, въ Верхоленскъ или глухіе, страшные углы Киренскаго уѣзда, или сажая въ наполненныя клопами каталажки. Полтора мѣсяца спустя послѣ только что описаннаго инцидента, насъ обманнымъ образомъ заманили въ волостное правленіе, подъ предлогомъ выдачи намъ давно ожидаемаго пособія, котораго нѣкоторые изъ насъ такъ и не получили по сіе время, и тамъ объявили, что безъ суда и слѣдствія, по приказанію графа Кутайсова, мы ссылаемся въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области за „вооруженное сопротивленіе“ властямъ. Но это не все. Въ Александровской пересыльной тюрьмѣ, куда насъ привезли на слѣдующій день, и въ дорогѣ до Якутска насъ преслѣдовалъ все тотъ-же дикій произволъ ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемыхъ урядниковъ и жандармовъ. На ст. Усть-Кутъ, напримѣръ, жившіе тамъ товарищи захотѣли подойти къ намъ. Мѣстный урядникъ рѣшилъ воспротивиться этому и, когда наши товарищи захотѣли подойти къ намъ, приказалъ употребить

противъ нихъ мужицкіе кулаки и солдатскіе приклады, говоря, что, если мы будемъ настаивать, онъ не остановится передъ самыми крайними мѣрами. Я не буду описывать этой безобразной сцены. Но, нѣсколько времени спустя, тов. Матлаховъ, убитый 4-го марта въ домѣ Романова, вмѣстѣ съ другими вышелъ зачѣмъ-то на дворъ къ кошевамъ. Къ нимъ подошелъ или хотѣлъ подойти мѣстный политическій ссыльный, старый знакомый Матлахова, тов. Руверъ, какъ вдругъ появившійся откуда-то сильно выпившій жандармъ (сопровождавшій нашу партію, въ качествѣ старшаго), грубо толкнулъ Матлахова и сталъ осыпать присутствовавшихъ при этомъ другихъ товарищей, въ томъ числѣ и женщинъ, самою нецензурною грубою бранью. Мы выбѣжали на шумъ, тогда жандармъ, выхвативъ револьверъ и, цѣлясь въ Матлахова, приказалъ прибѣжавшимъ солдатамъ зарядить ружья, крича намъ: „я васъ перестрѣляю, какъ 25 мерзавцевъ, и не только не буду отвѣчать за это, но еще медаль получу!“ Насъ было всего 24, 25-ой была маленькая 5-ти лѣтняя дѣвочка (дочь одного ссыльнаго). Кое-какъ намъ удалось удержать страшно взволнованнаго Матлахова. Мы потребовали урядника, чтобы немедленно составить протоколъ о случившемся. Урядникъ было согласился, но, отозванный жандармомъ, отказалъ, не мотивируя даже своего отказа! Тогда мы составили жалобу, которую по телеграфу отправили въ Иркутскъ, на имя генералъ-губернатора. Отвѣтъ на телеграмму получился уже въ Якутскѣ и только въ началѣ марта, кажется, въ видѣ приговора, назначившаго тогда уже покойному Матлахову и товарищу Дроздову, старостѣ нашей партіи, все-ту же ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области и убѣдивши насъ лишній разъ, что другого пути, кромѣ избраннаго нами для протеста здѣсь, въ ссылкѣ, не существуетъ. Я пошелъ въ домъ Романова, найдя лучшимъ умереть тамъ отъ солдатской пули, чѣмъ медленно и безмолвно умирать въ далекомъ Верхоянскѣ, который, въ виду суровыхъ условій существованія, дороговизны самыхъ необходимыхъ для жизни припасовъ и суроваго климата, для меня, человѣка съ очень разстроеннымъ здоровьемъ и не имѣющаго, кромѣ того, никакихъ личныхъ средствъ, навѣрное сдѣлался бы скоро могилой.

Особое мнѣніе члена суда Соколова.

По выяснившимся на судѣ обстоятельствамъ дѣла, я не нахожу доказаннымъ, что выстрѣлы отъ подсудимыхъ, убившіе Кириллова и Глушкова, были произведены съ общаго согласія или вѣдома всѣхъ подсудимыхъ. Напротивъ, изъ обстоятельствъ дѣла видно, что убійство Кириллова и Глушкова произошло вопреки намѣренія и желанія подсудимыхъ. Такъ, свидѣтель Березкинъ (полиціймейстеръ) удостовѣряетъ, что Тепловъ вскорѣ послѣ убійства, крайне взволнованный, говорилъ, что выстрѣлы отъ нихъ послѣдовали для нихъ самихъ неожиданно, и что убійство вызвано злоупотребленіемъ караула. Тоже говорится и въ письменномъ заявленіи подсудимыхъ отъ 5 марта: „Вы добились... первый выстрѣлъ сдѣланъ не вами!“... объясняется, что, „первый актъ кровавой драмы, которой такъ упорно добивались“, произошелъ вслѣдствіе злоупотребленій караула, закрывавшаго у нихъ ставни и бросившаго въ одного изъ подсудимыхъ камнемъ, т. е. вслѣдствіе случайнаго, непредвидѣннаго подсудимыми, обстоятельства. Соотвѣтствіе этихъ заявленій дѣйствительности не опровергается предшествующими имъ заявленіями тѣхъ же подсудимыхъ о томъ, что, при неудовлетвореніи ихъ требованій, они прибѣгнутъ къ крайнимъ мѣрамъ и будутъ считать себя вправѣ приступить къ вооруженной самозащитѣ. Въ этихъ послѣднихъ заявленіяхъ можно усматривать только угрозу, какъ средство къ устраненію блокады и злоупотребленій караула. Это видно, между прочимъ, изъ отношенія къ означенной угрозѣ нѣкоторыхъ изъ самихъ подсудимыхъ. Такъ, послѣ подачи заявленія о рѣшеніи прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ и послѣ личнаго заявленія и. д. губерн. Чаплину о томъ же, подсудимый Никифоровъ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что полиція своими дѣйствіями, поставляя событія въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя ни предугадать, ни устранить нельзя, явно приводитъ дѣло къ кровавой развязкѣ; и отъ другихъ подсудимыхъ подавались заявленія о злоупотребленіяхъ караула и дѣлались увѣренія послѣ убійства, какъ удостовѣряютъ свидѣтели Чаплинъ и Березкинъ, что они, подсудимые, не будутъ стрѣлять, хотя живыми не сдадутся. Въ первомъ заявленіи, въ заявленіи Никифорова, усматривается уже не угроза или вызовъ, а боязнь кровавой развязки, въ силу какихъ либо случайныхъ обстоятельствъ, а во вторыхъ заявленіяхъ подсудимыхъ желаніе устранить злоупотребленіе караула черезъ начальство и намѣреніе добиваться цѣли путемъ пассивнаго неповиновенія, а не путемъ активныхъ насильственныхъ дѣйствій

Въ послѣднемъ отношеніи вполнѣ опредѣленнымъ представляется заявленіе подсудимаго Кагана въ послѣднемъ словѣ: „Идя въ Романовскій домъ, я на все приготовился — на смерть, на пулю, на висѣлицу!“ Затѣмъ, подсудимый Курнатовскій объяснилъ на судѣ, что убійство солдатъ, взятыхъ изъ простого рабочаго люда, было крайне нелогично для нихъ, подсудимыхъ, какъ для лицъ, отстаивающихъ интересы простого народа, а свидѣтель Олесовъ удостовѣрилъ со словъ солдатъ и казаковъ, что подсудимые говорили послѣднимъ, что они идутъ не противъ нихъ, а противъ начальства. Объясненіе Курнатовскаго и показаніе Олесова могутъ быть приняты только въ томъ смыслѣ, что убійство солдатъ было дѣйствіемъ аффективнымъ, необдуманнымъ и внезапнымъ какъ для лица, произведшаго выстрѣлы, такъ, тѣмъ болѣе, для другихъ подсудимыхъ. Въ этомъ психологическомъ смыслѣ является не безразличнымъ и фактъ участія въ преступномъ дѣяніи женщинъ — подсудимыхъ, отношеніе одной изъ которыхъ къ данному дѣлу характеризуется, между прочимъ, анекдотическимъ разсказомъ свидѣтеля Чаплина объ языкѣ, показанномъ солдату: трудно примирить эту дѣтскую шалость съ рѣшеніемъ совершить или допустить убійство. Да и въ общемъ, активная роль подсудимыхъ женщинъ ничѣмъ по дѣлу не отмѣчается. Неустановленнымъ представляется даже, скрываются ли ихъ имена подъ общей анонимной подписью на заявленіи съ угрозами „группы протестующихъ“. Затѣмъ, подсудимый Тепловъ объяснилъ въ своемъ послѣднемъ словѣ: „мы свои дѣйствія предпринимали соотвѣтственно дѣйствіямъ полиціи — только по мѣрѣ ея репрессивныхъ дѣйствій: были слухи, что насъ станутъ разстрѣливать изъ пушки — и мы сдѣлали блиндажи; говорили, что насъ будутъ выживать пожарными трубами, и мы приняли мѣры въ видѣ щитовъ для оконъ; приняли мѣры и противъ взятія насъ голодовкой“. Отсюда естественно, что, при обѣщаніи исполняющаго должность губернатора Чаплина не прибѣгать къ грубой силѣ для подавленія безпорядковъ, не могло быть и соглашенія на убійство. Сама цѣль „протеста“ должна была воздержать подсудимыхъ отъ подобнаго соглашенія. По удостовѣренію свидѣтеля Чаплина, подсудимый Никифоровъ во время переговоровъ съ нимъ высказалъ, что протестомъ они хотятъ создать „всемірный скандалъ“, и подсудимый Тепловъ подтвердилъ по существу это заявленіе Никифорова, объяснивъ на судѣ, что своей формой протеста они хотѣли заставить обратить вниманіе на свое положеніе тѣхъ, кто имѣетъ уши слышать и чуткое сердце, затѣмъ — заставить ту же администрацію пересмотрѣть свои распоряженія — законны ли они? Но, рѣшаясь на убійство, они должны были отказаться отъ своей цѣли, такъ какъ изъ жертвъ превращались уже въ убійцъ. Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ при разрѣшеніи этого вопроса является число выстрѣловъ, произведенныхъ изъ дома Романова отъ подсудимыхъ. Сами подсудимые утверждаютъ, что, кромѣ двухъ выстрѣловъ, произведенныхъ 4 марта, болѣе выстрѣловъ не было отъ нихъ. Это они заявили тотчасъ послѣ убійства (Тепловъ и Теслеръ), какъ удостовѣрили свидѣтели и.

д. губернатора и полиціймейстеръ Березкинъ, и на судѣ Бодневскій и Курнатовскій, и по провѣркѣ на судѣ утвержденіе ихъ не находитъ убѣдительныхъ несомнѣнныхъ опроверженій, хотя большинство свидѣтелей и заявляло, что выстрѣлы подсудимыхъ изъ дома Романова были 4, 5 и 6 марта. О выстрѣлахъ 4 марта и объ убійствѣ Кириллова и Глушкова свидѣтели-очевидцы показываютъ различно. *Колосковъ*: первый выстрѣлъ былъ изъ револьвера въ землю, вторымъ выстрѣломъ попало свидѣтелю въ бляху у ремня и оторвало застежку у его сумки, третьимъ убило Кириллова. Глушковъ вышелъ во дворъ послѣ этихъ уже выстрѣловъ. Свидѣтель *Лойковъ*: видѣлъ выстрѣлъ изъ револьвера въ землю, а затѣмъ слышалъ еще нѣсколько выстрѣловъ, пять или четыре. Кирилловъ былъ шагахъ въ пяти, но, когда его убили, свидѣтель не видѣлъ. *Семенъ Федоровъ*: первый выстрѣлъ былъ въ землю изъ револьвера, во второй выстрѣлъ пуля ударила въ стѣну караульнаго дома, послѣ, третьимъ выстрѣломъ убитъ Кирилловъ, а затѣмъ отъ дома Романова было еще выстрѣловъ десять, одинъ за другимъ. Послѣ этихъ выстрѣловъ, онъ, стоя у крыльца караульнаго дома, самъ сдѣлалъ выстрѣловъ отъ трехъ до шести. *Казакъ Березкинъ*: слышалъ сзади себя отъ дома Романова три выстрѣла, проходя съ поста къ караульному дому. *Киренскій*: находясь въ караулкѣ, слышалъ одинъ выстрѣлъ, послѣ котораго ему сказали, что убитъ солдатъ. *Соловьевъ*: на часахъ у караульнаго дома услыхалъ одинъ выстрѣлъ и тотчасъ другой, а послѣ этихъ третій и четвертый. *Хальбниковъ*: слышалъ, находясь въ караулкѣ, выстрѣлъ, которымъ убило часового; выскочивши послѣ этого на крыльцо, услышалъ второй выстрѣлъ, которымъ пробило его одежду. *Цыпандинъ*: слышалъ 3 или 4 выстрѣла. Солдатъ былъ убитъ, кажется, первымъ выстрѣломъ. Послѣ убійства, стрѣляли отъ дома Сюткина и съ Мало Базарной улицы. *Хромовъ*: удостовѣрилъ, что Глушковъ раненъ первымъ выстрѣломъ, котда они стояли на крыльцѣ караульнаго дома. Послѣ же этого выстрѣла было еще два, а раньше выстрѣловъ не было. *Глушковъ*: раньше Кирилловъ, а потомъ я раненъ. *Свидѣтель Тихоновъ* (городовой): Стрѣльбы изъ револьвера не видѣлъ, но видѣлъ, что отъ перваго выстрѣла упалъ Кирилловъ, убѣжавши затѣмъ къ дому Кондакова, услышалъ отсюда выстрѣла три-четыре. Отъ угла Кондаковскаго дома самъ произвелъ четыре выстрѣла изъ револьвера. *Ярковъ*: видѣлъ, что первымъ выстрѣломъ былъ убитъ Кирилловъ, а сколько всего было выстрѣловъ тогда, не знаетъ. *Удальцовъ*: когда былъ убитъ Кирилловъ, слышалъ, находясь въ караулкѣ, выстрѣла два. *Цыпандинъ*: проходя въ караульный домъ, услыхалъ три или четыре выстрѣла и увидѣлъ, какъ солдатъ упалъ около забора. Солдатъ былъ убитъ, кажется, первымъ выстрѣломъ.

Противорѣчіе между показаніями очевидно, они не соотвѣтствуютъ и тому, что пуль отъ выстрѣловъ обвиняемыхъ найдено только двѣ: одна въ трупѣ Кириллова, а другая въ стѣнѣ, тогда какъ, по меньшей мѣрѣ, по этимъ показаніямъ, пуль въ стѣнѣ караульнаго дома или слѣдовъ отъ нихъ должно быть

— не менѣе 3 4-хъ. Очевидно, что пуля, пробившая Глушкова на вылетъ, была та, которой прострѣлена одежда Хлѣбникова и которая найдена въ стѣнѣ крыльца караульнаго дома, возможность чего допускается, между прочимъ, и экспертомъ, пуля же попавшая въ пряжку и сумку, была пуля, пущенная не отъ подсудимыхъ, а со стороны тѣхъ караульныхъ, которые первые отвѣтили на выстрѣлы и дали поводъ считать выстрѣлы отъ подсудимыхъ въ большемъ числѣ, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности.

Въ отношеніи выстрѣловъ отъ подсудимыхъ 5 и 6 марта, показанія свидѣтелей представляются недостовѣрными, такъ какъ ни однимъ изъ нихъ не устанавливается, что выстрѣлы въ эти дни были именно изъ дома Романова, а не со стороны только этого дома. Къ этому разряду показаній относится показаніе Кандакова, увѣряющаго даже, что онъ видѣлъ дымокъ въ домѣ Романова отъ выстрѣла. Кромѣ Кандакова дыма въ окнахъ дома Романова никто не видѣлъ, а пули могли быть съ Мало-Базарной улицы, подсудимымъ стрѣлять въ домъ Кандакова не было достаточнаго повода, въ виду того, что главный обстрѣлъ производился солдатами отъ дома Сюткина. Но если выстрѣловъ отъ подсудимыхъ было только два, то соглашенія на эти выстрѣлы не могло быть у подсудимыхъ, такъ какъ стрѣльба въ два выстрѣла, по ничтожности для караула, была безцѣльна и выстрѣловъ должно было больше быть. Если же предполагать, что цѣлью выстрѣловъ былъ вызовъ скорѣйшей развязки, то въ этомъ случаѣ убійство Глушкова и Кириллова было совершенно ненужной жестокостью, такъ какъ вызовъ можно было сдѣлать одними выстрѣлами безъ жертвъ, можно было дать залпъ въ стѣну.

По этимъ основаніямъ и соображеніямъ и имѣя въ виду, что фактическій виновникъ убійства Кириллова и Глушкова не обнаруженъ, а роль каждаго изъ подсудимыхъ, при которыхъ совершены эти два убійства, не установлена судомъ, я нахожу, что ко всѣмъ обвиняемымъ, признаваемымъ судомъ виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 263 ст. уложенія, должно быть примѣнено наказаніе по 266 ст. Улож. и Наказ. безъ присоединенія наказанія по 268 ст. того-же Уложенія.

Изъ матеріаловъ „Искры".

I.

Янутскъ. Сообщаемъ нѣкоторыя подробности процесса романовцевъ.

Свидѣтели въ общемъ производили жалкое, подчасъ комическое впечатлѣніе. Ихъ было 75 человѣкъ, въ томъ числѣ 27, вызванныхъ защитой, но и эти послѣдніе, за исключеніемъ 4 политическихъ (д-ра Сабунаева, Раковой, Крюкова и Колтуна), почти всѣ относились къ намъ враждебно, и мы настаивали на ихъ вызовѣ только потому, что надѣялись черезъ нихъ выяснить нѣкоторые факты. Кромѣ губернатора, полиціймейстра, трехъ полицейскихъ чиновниковъ, начальника военной команды, нѣсколькихъ обывателей и обывательницъ, всѣ остальные свидѣтели были солдаты, городовые и казаки, тѣ самые, которые все время обстрѣливали насъ, а во время процесса насъ конвоировали.

Одинъ солдатъ такъ начинаетъ свое показаніе: „такъ что, ваше пр-во, политическіе начали *продолжать* стрѣльбу". „Что же, вы видали какъ летѣли пули"? — „Точно такъ!" „Значитъ-пули падали у васъ на глазахъ?" — „Не только, что на глазахъ-прямо въ ногахъ падали". Другого свидѣтеля спрашиваютъ: „Ну, вотъ вы говорите, что политическіе сдѣлали много выстрѣловъ?" — „Такъ точно, *учащенные*", ваше пр-во!" (это слово „учащенные" было имъ кѣмъ-то внушено и оно часто повторялось). „Ну, сколько же, по вашему? 5, 10, 20?" — „*Болѣе 20 и даже болѣе того!*" Еще свидѣтель: „Не слыхали вы про выстрѣлы солдатъ съ Мало-Базарной улицы? (это улица съ задней стороны дома Романова; часть команды, а также одиночки-добровольцы, стрѣляли въ насъ оттуда; выстрѣлы послѣднихъ приписывались намъ и вызывали жесточайшіе обстрѣлы солдатъ... въ отвѣтъ на ихъ же выстрѣлы)"—„Съ Мало-Базарной не стрѣляли". „Вы это твердо помните?" — „Такъ точно". „А вотъ на предварительномъ слѣдствіи вы показывали, что съ Мало-Базарной стрѣляли". — „Не могу знать!" Когда же вы говорили правду?"— „Запамятовалъ, ваше пр-во".—„Значитъ, вы *тогда* правду говорили,—съ Мало Базарной стрѣляли?" „Такъ точно" „А *сегодня* вы сказали, что съ Мало Базарной не стрѣляли" „Такъ точно, не стрѣляли"—„Какъ же такъ, и стрѣляли и не стрѣляли?"

Но солдатъ уже сбитъ съ позиціи, путается, вретъ и, наконецъ, ищетъ спасенья въ упорномъ: „не могу знать!". Новый свидѣтель: „Вы сами стрѣляли?" — „Никакъ нѣтъ!" „А на предварительномъ слѣдствіи вы показали, что сдѣлали 3 вы-

стрѣла“ „Такъ точно“. „Когда же вы говорили правду?“— „Такъ что запамятовалъ, ваше пр-во, со страху“. Бѣдные солдатики даже взопрѣли. Когда продефилировало ихъ десятка два, между ними пошла паника — и они рѣшили какъ нибудь отдѣлываться отъ показаній „Такъ что испугался очень, ничего не помню“. Одинъ казакъ молитъ: „увольте ваше пр во! Ничего не помню, потому какъ услыхалъ выстрѣлы, перекрестился и убѣжалъ на заимку“. Одинъ свидѣтель даже на вопросъ, допрашивалъ-ли его слѣдователь, отвѣчаетъ: „Не могу знать!“

Были фрукты и среди обывателей. Вотъ выходитъ кокетливая мѣщаночка (Богданова), возлюбленная одного солдата и квартирная хозяйка нѣкоторыхъ изъ насъ (еще до Романовки). Она начинаетъ съ конфиденціальнаго заявленія, что хотѣла бы говорить tête à tête съ судьями. „Т. е. какъ?!“ „Вотъ безъ нихъ“ (указываетъ въ сторону подсудимыхъ). Общій смѣхъ, Богданова обижена. Когда ей въ этомъ отказали, она всетаки начинаетъ говорить; выкладываетъ цѣлый ворохъ сплетенъ шпіонскаго характера: „Все подозрительные люди ходили къ нимъ“. „Шушукались, отъ меня скрывались“. „Подъ шубой у него было ружье“. („Вы видѣли, что ружье?“. „Не видѣла, но ужъ непремѣнно ружье“). Вообще, проявила удивительное усердіе по части добровольнаго ссыска. Только подъ конецъ она свела на нѣтъ весь эффектъ своей рѣчи. На коварный вопросъ Бернштама, не была-ли свидѣтельница въ ссорѣ съ женой подсудимаго, она вдругъ выпалила: „Нѣтъ, но только какъ она со мной нехорошо поступила...“ И пошла и пошла про какую-то обиду. Въ залѣ смѣхъ, она злится, Бернштамъ заявляетъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ, предсѣдатель вызываетъ другого свидѣтеля, а она все говоритъ про свое благородство и про черную неблагодарность жены Ржонцы. Другой типъ: „настоящій“ купецъ Кондаковъ. Онъ всячески чернитъ насъ, доказываетъ, что мы стрѣляли чуть ли не изъ пулеметовъ, по 600 пуль въ минуту, но и это эффектное показаніе уничтожается нѣсколькими коварными вопросами. „Не лѣчился ли свидѣтель у доктора Сабунаева отъ запойнаго пьянства и эпилепсіи?“. (оказывается, лѣчился). „Не заѣзжалъ ли къ нему за время осады полицейскій надзиратель Олесовъ?“ (главный режиссеръ обстрѣловъ, поилъ солдатъ водкой, чтобы еще разъ стрѣляли по насъ, укралъ съ парохода пушку, изъ которой собирался въ насъ палить, — вообще гнуснѣйшій типъ, отличившійся еще въ Якутской бойнѣ 1889 г.); оказывается, что они по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ пили водку какъ разъ противъ дома Романова. Наконецъ, наша исторія повредила ему и въ торговлѣ. („Потому, якуты говорили, что въ Якутскѣ война, и не ѣздили въ городъ“).

Свидѣтели изъ мѣстной администраціи показали на судѣ то же, что и на предварительномъ слѣдствіи. Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ показаній начальника конвойной команды Кудельскаго, типичнаго солдафона, для котораго евангеліемъ служитъ „уставъ о гарнизонной службѣ“.

На вопросъ Бернштама, давалъ ли онъ какія-нибудь наставленія солдатамъ предъ стрѣльбой, онъ надменно отвѣтилъ: „Не

считалъ этого нужнымъ. Солдаты читали гарнизонный уставъ!". (Между тѣмъ, законъ предписываетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ начальникъ *каждому солдату отдѣльно 2 раза* объяснялъ, когда ему разрѣшается пускать въ ходъ оружіе). Вообще, выяснилось, что каждый ефрейторъ безконтрольно дѣйствовалъ, какъ ему вздумается, и дѣлалъ очень отвѣтственныя вещи. Такъ напримѣръ, одинъ фельдфебель на собственный страхъ и рискъ отправился къ домовладѣлицѣ Бушуевой и просилъ у нея разрѣшенія обстрѣливать насъ съ ея брандмауэра (на высотѣ 3-хъ этажей, находится сзади дома Романова). Такъ-же поступалъ и младшій офицеръ, подпоручикъ Лепинъ: это холеное, упитанное животное подготовляло планъ обстрѣливать насъ съ нижняго этажа и для этой цѣли вызывало добровольцевъ (такихъ нашлось 6 человѣкъ). И г. Лепинъ имѣлъ еще наглость выступать въ качествѣ эксперта и, съ циничнымъ апломбомъ, на основаніи данныхъ военной науки, нагло лгалъ, взводя на насъ чудовищныя небылицы. Упомянутый выше надзиратель Олесовъ, какъ выяснилось изъ показанія одного солдата, вечеромъ, *уже послѣ нашей сдачи, наканунѣ нашего выхода въ тюрьму*, пріѣзжалъ въ караульный домъ и, спаивая солдатъ, убѣждалъ ихъ рано утромъ опять открыть по насъ стрѣльбу.

Судебное разбирательство съ достаточной ясностью возстановило истинную картину дѣла. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и судьи и прокуроръ вполнѣ убѣдились что единственные два выстрѣла съ нашей стороны были вызваны настойчивой и наглой провокаціей осаждающихъ; явное настроеніе судей въ нашу пользу подало даже нѣкоторымъ оптимистамъ поводъ ожидать оправданія, и суровость приговора можно объяснить только тѣмъ, что онъ былъ приготовленъ свыше. (Между прочимъ, къ началу суда прибыли — и, какъ полагаютъ, именно и привезли приговоръ — старшій предсѣдатель и прокуроръ Иркутской Судебной Палаты; они уѣхали черезъ 4 дня). Характерная оговорка вырвалась у предсѣдателя суда: при формулировкѣ вопроса: „виновны ли подсудимые въ томъ, что съ цѣлью оказать сопротивленіе распоряженіямъ властей и т. д." Зарудный просилъ судъ вставить слово „законный"; судъ отказалъ, и, формулируя этотъ отказъ, предсѣдатель сказалъ: „слово „*законный*" совершенно не имѣетъ отношенія къ настоящему дѣлу". Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ст. 263 караетъ за сопротивленіе властямъ, независимо отъ законности или незаконности распоряженій.

Это обстоятельство вызвало у всѣхъ почти осужденныхъ отрицательное отношеніе къ апелляціи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ защитники, которые не могли, подобно имъ, съ стоическимъ хладнокровіемъ отнестись къ жестокому приговору, выбивались изъ силъ, чтобы уговорить ихъ обжаловать его, 38 человѣкъ апелляцію подписало. Въ ней, между прочимъ, обвиняемые ходатайствуютъ о допущеніи къ разбору дѣла въ Иркутской Палатѣ нѣкоторыхъ свѣтилъ адвокатуры: Карабчевскаго, Муравьева, Тесленко, Малянтовича, Грузенберга и др. Полагаютъ, что часть изъ нихъ — если и не всѣ, — явятся, такъ какъ Иркутскъ не Якутскъ.

II.

Къ „романовской“ эпопеѣ (письмо Екатерины Ройзманъ). Хочется мнѣ воспользоваться, быть можетъ, послѣдней оказіей передъ уходомъ на каторгу и написать пару словъ о нашемъ „протестѣ“. Онъ названъ нами же, участниками, „Романовскимъ“, по имени якута Романова, владѣльца дома. Итакъ, что же такое „Романовка“?

„Романовка“ *стала* понятіемъ растяжимымъ; въ опредѣленіе ея вкладываютъ теперь даже то, чего и не было, и о чемъ мы и не думали. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что борьбу-то, самое дѣло наше, мы вели молча и идя на смерть, мы и не думали, что о нашемъ протестѣ придется „говорить“. Самая форма протеста сильнѣе всякихъ словъ скажетъ всѣмъ все, что можно и нужно. Намъ думалось, что одинъ фактъ гибели 57 революціонеровъ, защищающихъ свое человѣческое достоинство съ оружіемъ въ рукахъ, такъ сильно и понятно говоритъ за себя, что всякое многословіе излишне. Передумать же намъ пришлось многое-многое, это пойметъ всякій. Дни и ночи мы проводили безъ сна, устраивая баррикады, стоя на постахъ и т. д. и т. д., и каждый мыслящій человѣкъ пойметъ всю ту лихорадочную работу мысли, которую переживали мы всѣ за эти 18 дней нашего романовскаго сидѣнія.

Обстановка „Романовки“ была воистину ужасна. Всмотритесь въ нашу группу, художественно нарисованную товарищемъ Израильсономъ, участникомъ протеста, въ нашу комнату за баррикадами, въ нашъ „отдыхъ“ на полу въ пескѣ за блиндажами безъ подушекъ и одѣялъ, при сильномъ холодѣ: мы экономно тратили топливо на варку ѣды и отопленія; и все это длилось не день, на два, а цѣлыхъ 18 дней.

Ночь, тишина, весь городъ спитъ, робко звѣздочки глядятъ на нашъ домъ, онъ мраченъ, безъ огня; кажется, и онъ уснулъ. Да... и наши уснули; не спимъ только мы, „постовые“ и „разводящій“; сидимъ мы у оконъ и слѣдимъ за непріятелемъ, караулящими насъ солдатами и полиціей, и прислушиваемся къ малѣйшему шуму. Обо всемъ передаемъ „разводящему“.

Въ эту ночь „разводящимъ“ былъ Юрій Матлаховъ.

Мы дежурили всѣ по 2 часа, черезъ каждые 4 часа днемъ и ночью. Юрій бралъ на себя 12 часовъ сразу, а 12 часовъ на отдыхъ, но отдыхъ былъ номинальный, почти 24 часа въ сутки онъ былъ на ногахъ. Тихо, крадучись, онъ подходитъ ко мнѣ: „Не спишь?“ — „Не уснешь на посту, тревожно что-то“.

Юрій: Дай-ка, посмотрю (онъ смотритъ напряженно въ окно). Да, движеніе сильное, что-то замышляютъ. Пожалуй, сегодня нападутъ... а? Какъ ты думаешь?...

Я: возможно, но пусть ужъ поскорѣй, 13 дней ужъ сидимъ...

Юрій: чаю сдѣлать тебѣ? спать хочется?

Я: ничего, не стоитъ возиться, потерплю, садись, потолкуемъ.—Юрій садится вплотную ко мнѣ, чтобы въ ночной тишинѣ уловить мой шопотъ. Я говорю ему: вотъ опять сегодня посланіе губернатору отправила, тяжела мнѣ эта переписка. Объ-

явивъ войну, надо сражаться, и никакихъ сношеній съ палачами этими имѣть не слѣдуетъ.

Юрій: мнѣ тоже непріятно; къ чему это джентльменство? Насъ не предупреждаютъ ни о чемъ, провоцируютъ; Никифорову позволили выходить, когда угодно, — и арестовали безъ объясненій. Солдатъ разставили у дверей и оконъ безъ предупрежденія, выйти нельзя и т. д.

Я: чего же ты не высказываешься? все молчишь и ни слова не скажешь противъ?

Юрій: знаешь... не говорится *здѣсь*, жизнь здѣсь не земная, не обыкновенная, только чувствуется здѣсь, но не говорится... Завтра, вѣроятно, насъ не станетъ уже; думаю, что аттака будетъ на разсвѣтѣ... Неудобно имъ ночью, темно...

Юрій сидитъ грустный, я близко всматриваюсь въ его лицо.

Я: знаешь, у тебя и у многихъ здѣсь за баррикадами лица измѣнились, хорошія какія-то стали... добрыя... Не знаю, что-то такое имѣется теперь въ лицахъ, свѣтлое, ну не знаю, какъ это выразить тебѣ.

Юрій: святыя, чудесныя лица, такихъ глазъ никогда не видать. У всѣхъ столько силы и красоты свѣтится въ глазахъ, что порой думается... какъ хорошъ можетъ быть человѣкъ... Написать ли друзьямъ на прощанье? Нѣтъ, умирать нужно молча.— Онъ всталъ и медленно ушелъ.

Видите, даже писать про „Романовку“ связно нѣтъ возможности. Хотѣлось мнѣ высказать, что вкладывали мы въ эту „Романовку“, и сейчасъ же уклонилась. Итакъ, что думали мы сказать „Романовкой“? Думали разно. Одинъ шелъ бороться за выставленныя требованія, другой — исключительно за свое человѣческое достоинство, третій — чтобы показать правительству, что мы нигдѣ и никогда не беззащитны, что за себя постоять мы сумѣемъ и на каждое насиліе будемъ реагировать и въ далекой Сибири, имѣя за собою, вмѣсто пролетаріата, равнодушныхъ дикарей-якутовъ; четвертые — находили нужнымъ помѣряться силами съ правительствомъ и вѣрили, что моральный и — въ первый моментъ только — физическій успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ, а потомъ пусть погибнемъ; пятые — думали (да все это именно *думали*, ничего подобного не произносилось вслухъ, ибо, повторяю, на „Романовкѣ“ больше молчали и выжидали), что настала уже пора массового вооруженнаго сопротивленія россійскому самодержавію, и что наше возстаніе, быть можетъ, и неудачное, пріучитъ насъ къ такой борьбѣ, и скороскоро, вмѣсто кучки въ 57 человѣкъ, выступятъ 57 сотенъ, тысячи и больше-больше сознательныхъ протестантовъ для окончательной побѣды надъ ненавистнымъ врагомъ; шестые думали, что „Романовка“—просто демонстрація. Можетъ быть, что либо иное думали 7-ые, 8-ые и т. д. вплоть до 57 го, но прибавлю, что многіе многіе изъ насъ думали и думаютъ вложить въ „Романовку“ всѣ помыслы и надежды всѣхъ перечисленныхъ шести категорій. Такъ мы и мыслили: „Романовка „все“ покажетъ, „все“ скажетъ и „всѣмъ“ скажетъ“.—Что именно скажетъ—объ этомъ отчасти говорятъ описанные выше разряды. И вѣрно: мы не самоубійцы, мы молоды, жизнь сильно любимъ намъ

жить хочется, наше святое дѣло любимъ безумно, за него мы отдаемъ всѣ наши силы и знанія, живемъ его успѣхами, страдаемъ его ошибками, подготовляемъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ временно-запасныхъ въ боевыхъ дружинниковъ, занимаемся, передаемъ наши знанія другимъ. И сколько страданій, страшныхъ, ужасныхъ пережили мы, получивъ, уже послѣ „Романовки", отчетъ о II съѣздѣ и извѣстія о расколѣ въ Партіи! Что значитъ „Романовка" съ ея нечеловѣческими ужасами, смерть 57, въ сравненіи съ тѣмъ, что воцарилось въ Партіи послѣ съѣзда?! Да, пропустить такой рѣдкій историческій моментъ, когда мы должны представлять собою сильную, сплоченную, непобѣдимую громаду!

Якутская тюрьма, 20 августа 1904 г.

III.

Почему сдались „романовцы"? „Во всей романовской эпопеѣ наименѣе понятнымъ для окружающихъ моментомъ является сдача. Чтобъ пролить немного свѣта на этотъ самый трагическій эпизодъ романовскаго протеста, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ сдачѣ и сдѣлавшихъ ее, по моему мнѣнію, неизбѣжной и необходимой. Основной смыслъ принятой нами формы протеста заключался въ томъ, чтобъ, забаррикадировавшись въ домѣ, обороняться противъ насилія, когда власти сдѣлаютъ попытку силой выжить насъ изъ дому. Всѣ приготовленія были пріурочены именно къ такой вооруженной самооборонѣ. Умереть, защищаясь, — вотъ тотъ лозунгъ, котораго держались романовцы во все время пребыванія за баррикадами. Этотъ лозунгъ воодушевлялъ романовцевъ не только своимъ непосредственнымъ значеніемъ революціонной борьбы вообще и борьбы за улучшеніе условій ссылки въ частности, ихъ воодушевляло въ немъ и то, что такая организованная вооруженная самооборона, въ качествѣ перваго прецедента, должна была бы въ маломъ масштабѣ представить предъ всей Россіей всю грозную силу организованныхъ революціонныхъ массъ въ моментъ революціи; въ поясненіе послѣдней мысли, скажу, что, по мѣрѣ укрѣпленія Романовки, въ насъ росла увѣренность, что первый штурмъ солдатъ булетъ отбитъ, и намъ громаднымъ представлялось моральное значеніе такой побѣды; спѣшу прибавить, что мы ни на минуту не сомнѣвались въ конечномъ нашемъ пораженіи въ этомъ вооруженномъ столкновеніи.

Впродолженіе первыхъ двухъ недѣль мы такъ сжились съ мыслью о предстоящемъ штурмѣ дома и нашей оборонѣ, что только съ трудомъ соглашались вѣрить всякимъ слухамъ о томъ, что насъ собираются разстрѣливать съ высокой колокольни (какъ оказалось, полицейскій надзиратель Олесовъ, герой якутской бойни 89 года, укралъ пушку съ частнаго парохода и пытался поставить ее на колокольню), и почти не въ рьезъ принялись строить блиндажи у стѣны, обращенной къ й колокольнѣ.

Но вотъ, раздается 4 марта нашъ первый выстрѣлъ. (О причинахъ, вызвавшихъ его, я сейчасъ распространяться не буду). За этимъ выстрѣломъ слѣдуетъ обстрѣлъ дома солдатами. Но мы увѣрены, что, вслѣдъ за первымъ залпомъ послѣдуетъ штурмъ, всѣ въ ожиданіи его на своихъ мѣстахъ; и жертвой этой увѣренности падаетъ Юрій Матлаховъ, ставшій на баррикады рядомъ съ другими. Пуля, убившая его, пробиваетъ шляпу его сосѣда, и только тогда слѣдуетъ приказъ покинуть посты и ложиться подъ блиндажи. Но и тутъ, лежа подъ блиндажами, всѣ продолжаютъ неусыпно слѣдить за окнами, ожидая въ нихъ появленія солдатъ, а отъ времени до времени кто-нибудь, съ опасностью получить пулю въ голову, поднимается къ окну, чтобъ слѣдить за расположеніемъ солдатъ. Но вотъ обстрѣлъ кончился, раздается стукъ въ двери — это губернаторъ съ прочими властями пришелъ для переговоровъ. Къ нему выходитъ тов. Тепловъ. Губернаторъ предлагаетъ сдаться, и предоставляетъ намъ нѣсколько часовъ для обсужденія. Тепловъ заявляетъ, что намъ достаточно для этого лишь нѣсколько минутъ, и въ самомъ дѣлѣ возвращается тотчасъ же съ отвѣтомъ отъ товарищей, что мы не сдадимся. Весь день и ночь 4 марта мы ждемъ штурма, ждемъ тѣмъ болѣе, что губернаторъ заявилъ, что разстрѣливать насъ не намѣренъ, что постарается взять насъ живыми. Наступаетъ 5 марта, въ полдень раздается первый выстрѣлъ, а за нимъ правильный обстрѣлъ еще жесточе перваго. Мы въ недоумѣньи. Кому принадлежитъ этотъ первый выстрѣлъ? Не случайно ли у кого-нибудь изъ нашихъ ружье выстрѣлило? Но нѣтъ, у всѣхъ ружья въ порядкѣ. Не на волѣ ли было покушеніе на губернатора за вчерашній обстрѣлъ?

Ночь проходитъ спокойно. 6 утромъ опять раздается одиночный выстрѣлъ, которымъ раненъ одинъ изъ нашихъ. Наше недоумѣніе растетъ. Мы высылаемъ Теслера для выясненія недоразумѣнія. Губернаторъ, на вопросъ Теслера, заявляетъ, что и вчера, и сегодня стрѣляли мы первые, что такъ докладывалъ ему начальникъ команды. Послѣдній ссылается на то, что и ему такъ солдаты докладывали, и тутъ изрекаетъ свою знаменитую фразу: „а впрочемъ, намъ разбирать некогда, кто стрѣляетъ“. Тутъ только предъ нами начинаетъ выясняться безвыходность нашего положенія. И 5 и 6 марта первые выстрѣлы производились съ задней стороны дома, пули пронизывали домъ, пролетали надъ головами солдатъ и попадали въ городъ; эти выстрѣлы приписываются намъ, на нихъ отвѣчаютъ солдаты обстрѣлами дома.

Днемъ 6 марта, въ тотъ же обѣденный часъ, что и 5 числа, раздается опять одиночный выстрѣлъ. Стрѣлявшій солдатъ направилъ дуло прямо въ голову нашей постовой, сидѣвшей у окна на часахъ, но онъ промахнулся, пуля прошла нѣсколько выше и ударилась позади нея въ печку. А за этимъ выстрѣломъ начался жесточайшій обстрѣлъ съ двухъ сторонъ; залпы упорно направлялись въ блиндажи, въ домѣ стоялъ трескъ, казалось, что десятки топоровъ врубаются въ стѣны и разносятъ ихъ. Обстрѣлъ кончился. Проходитъ 4-5 минутъ, и опять нѣ-

сколько одиночныхъ выстрѣловъ. Положеніе было безвыходное. Лежать подъ блиндажами, не имѣя возможности столковаться, такъ какъ лежали мы въ 5 комнатахъ, лежать и только ждать пассивно своей очереди получить пулю — такое положеніе долго длиться не могло. У большинства изъ насъ настроеніе было притупленное, пассивное; „будь, что будетъ", такъ приблизительно можно было бы выразить это настроеніе. Безвыходность чувствовалась, но о ней большинство не думало или не давало себѣ надъ этимъ задумываться. Но столковаться нужно было; выкинувъ бѣлый флагъ, потребовали у губернатора, чтобы онъ гарантировалъ 6 часовъ спокойныхъ. И началось обсужденіе. Собственно исходъ былъ рѣшенъ уже въ тотъ моментъ, когда только вслухъ произнесенъ былъ вопросъ, что дѣлать? Этотъ вопросъ заставилъ выйти изъ пассивности, нужно было на него отвѣтить. А отвѣтъ былъ только одинъ: такъ дальше продолжать безсмысленно [1]). Умереть съ оружіемъ въ рукахъ, защищаясь, вотъ смыслъ нашихъ баррикадъ, нашихъ всѣхъ дѣйствій, приготовленій. Но умереть такъ, лежа, пассивно принять пулю, пассивно смотрѣть, какъ рядомъ съ тобой пуля пронзила товарища [2]) — противъ такого исхода возмущалось все чувство, вся логика. Нуженъ выходъ, но какой? Были разныя предложенія. Одинъ предлагалъ всѣмъ покончить съ собой, другой звалъ всѣхъ на улицу не для борьбы: онъ понималъ, что солдаты на разстояніи насъ разстрѣляютъ, не подпустивъ даже близко къ себѣ. Онъ предлагалъ лишь для того, чтобъ сразу покончить. Но и то, и другое нужно было во имя чего?

Чего угодно, только не во имя борьбы. Единственнымъ выходомъ представилась сдача, только она давала возможность продолженія борьбы. Ужъ не говоря о томъ, что въ этомъ домѣ намъ больше не для чего было оставаться, такъ какъ излишнимъ оказались и баррикады, и ружья, (когда вечеромъ наши ломали ружья, то это дѣлалось не только для того, чтобъ они не достались врагу: ломанье ружей было также отчасти и выраженіемъ самой сдачи, этой невозможности съ нашей стороны продолжать войну) уже не говоря объ этомъ, къ сдачѣ обязывала насъ и та положительная задача, которая стояла предъ нами. Намъ предстояло на судѣ изобличить провокацію, выразившуюся въ первыхъ выстрѣлахъ, обнаружить всю дезорганизованность администраціи, гдѣ низшія власти дѣйствуютъ за спиной у высшей, давая волю своей кровожадности; намъ предстояло оправдаться передъ обществомъ, которое обвиняло насъ въ томъ, что мы, какъ варвары, стрѣляли въ городъ, въ мирныхъ обывателей, и стрѣляли безцѣльно, безсмысленно, для одного лишь того, чтобъ испытать на себѣ лишній разъ солдатскій обстрѣлъ. Намъ предстояла, наконецъ, и еще одна, можетъ

---

[1]) Такъ думало большинство; но довольно значительная часть товарищей считало возможнымъ оставаться въ прежнемъ положеніи.

[2]) Нужно добавить, что мы отстрѣливаться не могли, ввиду отсутствія у насъ дальнобойнаго оружія.

быть изъ всѣхъ задачъ, предъ нами стоявшихъ, самая важная: вскрыть передъ всей страной, воспользовавшись судомъ, самую смрадную язву самодержавія — ссылку; ту ссылку, которая до Кутайсова убивала людей медленной смертью и которую этотъ ставленникъ Плеве превратилъ въ арену массового скораго избіенія.

Вотъ почему и для чего мы сдались".

О. В.